ПЕДАГОГИКА
И ПСИХОЛОГИЯ
ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ
1987/12

В.А.Караковский

ЛЮБИМЫЕ МОИ УЧЕНИКИ

ЗНАНИЕ
НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это уже не первая книжка педагога-новатора, директора московской школы лаборатории № 825 В. А. Караковского. Как и в других своих книгах, он рассказывал здесь о педагогике, в основе которой — личность ребенка, его самочувствие в школе, его положение в системе коллективных отношений. Для широкого круга читателей.

-
- ВВЕДЕНИЕ
- ТРИ ВОЗРАСТА
- Подростки
- Старшеклассники
- СОДРУЖЕСТВО
- УЧЕНИКИ - КОЛЛЕГИ
- ФОРМУЛА ЧЕЛОВЕКА
-
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ
Подписная научно-популярная серия «Педагогика и психология» № 12, 1987 г.
Издается ежемесячно с 1974 г.

В. А. Караковский, директор школы, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель школы РСФСР
ЛЮБИМЫЕ МОИ УЧЕНИКИ

Издательство «Знание»
Москва
1987

ББК 74.20
К 21

КАРАКОВСКИЙ Владимир Абрамович — кандидат педагогических наук, директор московской школы-лаборатории № 825, заслуженный учитель школы РСФСР, лауреат премии

Ленинского комсомола.

Рецензент: Богуславский С. Р. — кандидат педагогических наук, директор школы, заслуженный учитель школы РСФСР.

Караковский В. А.

К21 Любимые мои ученики. — М.: Знание, 1987.— 80 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Педагогика и психология»; № 12).

15 к.

Это уже не первая книжка педагога-новатора, директора московской школы лаборатории № 825 В. А. Караковского. Как и в других своих книгах, он рассказывал здесь о педагогике, в основе которой — личность ребенка, его самочувствие в школе, его положение в системе коллективных отношений.

Для широкого круга читателей.

ББК 74.20

© Издательство «Знание», 1987 г.

ВВЕДЕНИЕ

Каждая профессия особенна по-своему. У педагогов даже летосчисление не такое, как у других людей: учительский год не календарный, а учебный. И новогодний праздник у нас свой — 1 сентября. Но конечно, главное своеобразие педагогической профессии создают дети, дети от шести до семнадцати... и старше.

Когда происходит это «старше», никто не замечает. Но бывают минуты, когда смотрит учитель на своих учеников, и на него будто озарение находит: какие они уже большие! Когда успели вырасти?

Такое чувство удивления я испытываю каждый раз, когда вручаю им аттестаты о среднем образовании.

В одной когда-то популярной песне поется: «Есть только миг между прошлым и будущим, и именно он называется «жизнь». Выпускной вечер — это миг между прошлым и будущим, это десятилетие, спрессованное в одно мгновение.

Один за другим на сцену школьного зала поднимаются юноши и девушки. Они прекрасны. Каждый неповторим. Таких больше не будет.

Удивительное лицо у этого юноши. Светлые волосы, глаза чистейшей голубизны, тихая улыбка — прямо добрый молодец из сказки. Несколько лет спустя он отпустит бороду и станет совсем древнерусским витязем. Он и сейчас какой-то несовременный: нет в нем этой деловой энергии и уверенности столичного старшеклассника, нет нахватанности в разговорах на модные темы. Его голос в школе звучал редко и негромко. Он не поражал учителей блеском ответов, руку на уроках почти не поднимал. Но если товарищам нужны были надежные руки в труде и в походе, он был незаменим. Брал самую тяжелую лопату, самый большой рюкзак, и все это незаметно, без малейшей позы. Он любит песни. Когда звучит гитара, его мягкий баритон, опять же не выделяясь, сливается с общим хором.

Этот юноша, стремясь побороть в себе природную неуверенность, запишется в парашютную секцию и заставит себя несколько раз шагнуть в небесную бездну. Он не пройдет по конкурсу в педагогический и станет готовить себя к военной службе. Из армии будет писать матери философские письма, в каждом из которых — приветы школьным учителям и товарищам. Служба за пределами страны обострит в нем чувство Родины. Он перечитает русскую классику, серьезно займется историей. Отслужив, вновь будет поступать в педагогический. Такие

выбирают профессию единожды.

А вот получает аттестат совсем другой человек. Мне хорошо видна со сцены его мать, ее счастливые глаза. Я ее понимаю. Еще два года назад аттестат сына казался несбыточной мечтой.

Он прибыл к нам из другой школы, где не сложились отношения ни с учителями, ни с товарищами. Классная руководительница, придя к директору, поставила условие: «Или я — или он!» В новом коллективе он вел себя озлобленно. Учиться не хотел, на уроках ничего не делал, только рисовал на всех карикатуры. Педагоги стали искать подходы. В частности, обратили внимание на его рисунки. По уверенной графике мы предположили, что человек не только любит рисовать, но и занимается этим всерьез. Догадка подтвердилась. Тогда я предложил ему принести в школу свои работы. Пришлось даже вспомнить, что сам в его возрасте немного занимался в студии. Прошло несколько дней, видимо, необходимых, чтобы справиться с колебаниями. И вот у меня на столе целая кипа рисунков, акварелей. Тогда пришла следующая идея — организовать в школе первую «персональную выставку». Надо ли говорить, как волновался автор. С той поры подросток начал «оттаивать». Вскоре его удалось привлечь к оформительским работам в школьном музее. Дело пошло. К концу десятого класса все мы уже сожалели, что из школы уходит такой человек.

Когда учителя вспоминают своих учеников, они группируют их по выпускам, а выпуски — по фамилиям наиболее ярких представителей. Мы говорим: это поколение Тони Рогачевой, Андрея Заславского, Юры Герцева...

Девушка, которая сейчас поднимается на сцену, — из таких ярких личностей. Она явный лидер (и формальный — по выборной должности, и неформальный — по общему признанию). Бывают счастливые натуры: за что человек ни возьмется — все выходит легко и хорошо. Золотая медалистка, заводила во всех делах. Дочь рабочих, она обладает врожденной интеллигентностью, высокой культурой мышления. Альтруистка, четко сориентированная на людей, удивительно легко вступает в контакт с человеком любого возраста.

Учителя хорошо знают: в каждом классе есть ребята, которые помогают вести урок. Это ученики-камертоны, по которым настраиваешься и постоянно проверяешь себя. По их реакции можно безошибочно определить, как идет урок. Она из таких. Не устаешь удивляться, откуда в ней такое тонкое чувство педагогической ситуации. Как она «вовремя приходит на помощь учителю. Быть ей самой педагогом!

Пройдут годы, и в школе появится молодая учительница и

встанет рядом со мной у стола. В такие минуты реально осознаешь, что продолжил себя в своем ученике.

Но это будет через пять лет.

А сегодня идут и идут выпускники. Когда в ответ на твое рукопожатие ощущаешь сильную мужскую руку, трудно представить, что была она беспомощной, доверчивой ладошкой, вложенной в руку первой учительницы.

И память обращается к первоклассникам...

ТРИ ВОЗРАСТА
Самые младшие

Если учитель работает в начальной школе более двадцати лет, ему есть что сравнивать. Именно с такими педагогами я веду разговор о «перваках».

Принято считать, что поколения детей, идущих в школу, становятся все сложнее и развитее. Так ли это? И да и нет.

Раньше ребенок боялся переступить порог школы. Но эта робость не была похожа на страх запуганного человека — она была сродни трепету жаждущего обрести истину на пороге храма. Не случайно сравнение школы с храмом, а учителя со светочем знаний было в прошлом очень распространенным. Сегодня никто не боится идти в школу. И на первой же встрече с учителем дети ведут себя свободно и раскованно.

Припомним еще несколько характеристик детей прежних лет. Многие из них, поступая в школу, не знали ни одной буквы. Их общая информированность была такова, что школа для них становилась открытием мира. Путь от незнания к знанию был стремительным, И главным, едва ли не единственным источником знаний был школьный учитель.

Общее развитие сегодняшнего ребенка гораздо выше. Еще до школы он многое узнал и увидел. Сегодня немало шестилетних и даже пятилетних не только знают алфавит, но и умеют читать. Кстати сказать, таких ребят могло бы быть гораздо больше, не ленись родители и не придумывай себе оправдание, что не так научат и в школе придется переучивать. Кто уже читает, того переучивать не приходится. За последнее десятилетие умеющих читать среди поступающих в школу стало гораздо меньше.

У современного ребенка рано возникает иллюзия всезнайства. Его трудно удивить. Ему постоянно кажется: то, что ему говорят, он уже где-то слышал, где-то видел. Это «где-то» — радио, кино, телевизор, книжки, наконец, «взрослые» разговоры. Взрослых больше, и они стали очень разговорчивы. Присутствие же детей, а тем более одного ребенка их не смущает. Всю информацию ребенок как бы записывает на свой видеомагнитофон, не успевая осмысливать. Да и кто поможет? Скажем, вечером вся семья уставилась в телевизор и смотрит молча все подряд. Конечно, внимательные родители устраивают в доме «детские просмотры с последующим обсуждением». По таких немного. А уж всей семьей книжку почитать, о жизни поговорить — это и вовсе редкость. Перегруженность ребенка

бессистемной, неосмысленной информацией ведет к поверхностности.

Старые учителя говорят: раньше развитых детей было меньше, чем теперь, но зато было больше одаренных. Сегодня дети лучше развиты, легче учатся, но ярких индивидуальностей стало мало. Почему? Порассуждаем дальше.

Где росли и воспитывались дети лет 25 назад? В основном в семье и во дворе. Детских садов было мало. Семьи чаще всего жили в коммунальных квартирах, население которых представляло удивительную разновозрастную общность людей. У кого-то праздник — вся квартира угощается пирогами, если горе — соседи приходят на помощь. Дружили и старые и малые, присматривая за своими и чужими детьми. А двор — это маленькое государство со своими законами и кодексом чести, настоящее детское братство. Дворами поступали в школу, дворами уходили на фронт. Родители и раньше были страшно заняты и немного внимания уделяли детям, но это компенсировалось соседями, друзьями и— бабушками, настоящими, неработающими бабушками, которые много времени проводили во дворе, знали все про всех и зорко следили за играющими детьми.

Сегодня более 80% первоклассников приходят в школу через детский сад, причем многие — через круглосуточный. До того они росли в таких же яслях. Значит, доля родительского, материнского участия в воспитании этих детей не слишком велика. А что собой представляет современный массовый садик, все хорошо знают.

Дети воспитываются или взрослыми или сверстниками. Взрослых в семье может быть и много, но все они работают и занимаются собой. В детском саду одна воспитательница на тридцать детей, которая не успевает им носы утирать. Дети отданы на произвол свободного общения. Коллектива здесь еще нет и быть не может. Значит, воспитываясь, они научатся в основном тому, что могут взять друг у друга. Что же до методов воспитания, то дело здесь еще проще, чем в массовой школе. У воспитательницы одна забота — подчинить себе группу, овладеть детьми настолько, чтобы они выполняли сразу, не мешкая, любое ее требование. Легче же всего, имея дело с таким возрастом, добиться цели окриком, давлением, наказанием, страхом. Вот и выходит, что ребенок растет в сплошном аду: дома кричат, в садике кричат, на улице кричат, в разговорах детей тоже преобладает крик.

Раньше детей ласкали прохожие, а если ребенок войдет в автобус, все пассажиры улыбались. Теперь появление детей в

общественных местах, в транспорте, на улице вызывает тревожную настороженность. Учительница привела свой класс в парк. На берегу небольшого озера вальяжно разлеглись обнаженные любители раннего загара. Появление в этом заповеднике стайки звонкоголосых ребятишек вызывает общий взрыв негодования: убирайтесь отсюда, не мешайте отдыхать!

Срывать свою усталость и раздражение на детях, к стыду нашему, стало привычкой. Между прочим, те же взрослые с великовозрастными хулиганами предпочитают не связываться: можно нарваться на неприятность. А ребенок — маленький громоотвод, на котором можно безопасно разрядить свое личное напряжение. Но эти «взрослые разряды» разрушительно действуют на юного человека. Не случайно давно работающие учителя единодушно утверждают, что детей с такой расшатанной нервной системой школа еще не знала. Они возбуждаются мгновенно. В первом классе часто вспыхивают ссоры и драки с криками и взаимными оскорблениями. Причины пустячные: сосед локтем занял много места на парте, в столовой кто-то коснулся чужой порции, на перемене случайно столкнулись в коридоре. Дети не умеют прощать, не могут допустить случайности, во всем видят злой умысел и немедленно кидаются в бой.

Особенно таким «бойцовским» характером отличаются пришедшие в школу из одного детсада. Как правило, они представляют довольно сплоченную группу, в которой есть свои лидеры и свои изгои. Они приносят в класс отношения, сложившиеся в саду. Характерно, что эти ребята почти не зовут друг друга по именам, вместо них — клички. Шумные, решительные, активные, способные полностью себя обслуживать, прошедшие суровую школу жесткой самозащиты, эти маленькие реалисты умеют «толкаться локтями». Что же касается умственного и особенно нравственного развития, то они оставляют желать много лучшего.

Совсем другими выглядят «домашние» дети. Они, как правило, заласканы и закормлены. Они хорошо развиты и умственно, и физически. У этих детей есть довольно сложный внутренний мир, складывающийся по законам буйной фантазии. Нередко они живут как бы в двух мирах — реальном и вымышленном. В первом они чувствуют себя не очень уверенно: трудно сходятся со сверстниками, не умеют постоять за себя, пальто застегнуть, стесняются ходить в общественный туалет. Зато на уроках они ведут себя активно и вообще являются опорой учителя.

Наконец, есть в первом классе еще одна группа детей — это те, кто пришел из разных детских садов, в том числе из

ведомственных, из престижных дошкольных учреждений с изучением иностранного языка или эстетическим уклоном. Но таких немного.

Итак, в одном классе собрались дети самых разных уровней развития и разной степени готовности к школе — от совсем неподготовленных до таких, что хоть сразу во второй класс. Перед учителем встает задача выравнивания учеников. Хорошо, если она будет решаться по принципу компенсации. Но для этого надо много и систематически работать с каждым ребенком, давая ему прежде всего то, чего не хватило в дошкольные годы его развития. Имеет ли учитель такую возможность на уроке? Очень малую. А после уроков? Для этого существует «продленка», но в ней работает совсем другой воспитатель, который на уроке детей не видит. Что же получается? На практике процесс выравнивания превращается в процесс уравнивания, усреднения младших школьников. Не потому ли уже к концу первого года обучения они даже выражением лица становятся очень похожи друг на друга?

Чтобы в рамках жесткой и напряженной школьной программы заниматься развитием индивидуальности каждого ребенка, для этого нужно настоящее мастерство, «высший пилотаж» в педагогике. Однако все учительские курсы, вся методическая учеба построены на «валовом» подходе к обучению и воспитанию, на «квадратно-гнездовом» методе.

Занятость взрослых на производстве возросла. Теперь работают все; слово «домохозяйка» уходит из нашего лексикона. Все спешат, все бегом. Утром надо успеть «забросить» ребенка в детсад, лучше с «пятидневкой». Или завести в школу, лучше с «продленкой». Вечером бегущая с работы мама, нагруженная сумками с купленными по дороге продуктами, хватает наскоро одетого сына и несется с ним домой, где ее ждет приготовление ужина, стирка и еще многое другое. Чтобы ребенок не мешал, проще всего включить ему телевизор или сунуть новую игрушку, которая хоть на один вечер займет его. Сегодня легко откупиться игрушкой. В каждой квартире их навалом, именно навалом, чаще всего именно так выглядит детский уголок: громадная коробка, а в ней полно всяких-разных игр и игрушек. Раньше дети могли долго играть одной любимой куклой или машиной. Сегодня игрушка перестала быть событием. Обилие игрушек пресыщает, даже отупляет. Есть еще игрушки дорогие, «престижные», они под запретом, их достают по большим праздникам или когда в доме гости.

Кстати, о гостях. В гости ходят взрослые. Дети встречаются друг с другом вне дома: в отсутствие взрослых им встречаться

запрещено, а вечером уже поздно. Опять же в квартирах стало много хорошей мебели, дорогих вещей — как бы не попортить. Даже детские праздники — повод для взрослого застолья.

Раньше, если заболел товарищ, его навещает звено, отряд. Теперь этого нет: родители не позволяют. Одни боятся, что подхватят заразу, другие — что занесут грязь.

Стоит ли после этого удивляться, что, приходя в школу, ребенок думает прежде всего о себе, видит только себя. Дети, как правило, не умеют соотносить свои действия, слова и поступки с окружающими людьми. Детский эгоцентризм стал повсеместным явлением. Учитель вызвал к доске ученика, тот ошибся — какое всеобщее ликование! Как радостно чувствовать себя умнее и «правильнее» одноклассника!

В теплый воскресный день первоклассники коллективно выходят на природу. Предстоит несколько часов прекрасного отдыха в лесу. По этому случаю каждый несет дорожную сумку, а то и рюкзак со всякой снедью. По дороге дети начинают жевать, причем каждый спешит съесть прежде всего самое вкусное, чтобы не делиться с товарищами. На привале доедают остальное, и редко-редко кому придет в голову свалить всю еду в одну кучу и есть из «общего котла». С классом в поход идут и несколько родителей, причем идут все вместе, но каждый видит лишь своего ребенка. Если попадают под дождь, то на костре сушится прежде всего одежда тех, с кем шли взрослые.

Читатель может возмутиться — что за страшную картину нарисовал автор. На это замечу, что бывает и страшнее, если учитель не предугадает подобной ситуации и не примет загодя меры...

Вот маленькая статистика школы, где я работаю, обычной массовой общеобразовательной школы. Каждая третья семья — неполная, каждый второй ребенок — единственный. Немало братьев и сестер от разных отцов и матерей, значит, есть и отчимы, и мачехи.

Конечно, школа не может заменить семью, да и не надо этого. Но учесть особенности жизни ребенка в современной семье мы обязаны. В этом случае школа работает по принципу компенсации, и прежде всего она должна давать в полной мере то, что ни одна, даже самая хорошая семья дать не может. Это коллектив — удивительная общность людей (не только сверстников, но и ребят старшего возраста, учителей, других взрослых), без которых растущий человек не может полноценно развиваться. Но именно эту потребность ребенка родители, как правило, меньше всего учитывают. Пришел ученик из школы, что интересует семью? Какие отметки, чем кормили в столовой, не

обидел ли кто? Взрослые переносят на ребенка свои понятия. Им коллектив меньше нужен, чем ему, вот и нет вопросов.

Если человек начинается с детства, то ученик начинается с первого класса. Для этого времени особенно актуальна извечная мудрость: посеешь Поступок — пожнешь Привычку, посеешь Привычку — пожнешь Характер, посеешь Характер — пожнешь Судьбу.

Младший школьник во многом таков, каким его видит учитель. Он подобен цветку, который раскрывается навстречу солнцу. Если к нему подходить с оптимистической гипотезой, как говорил А. С. Макаренко, он поворачивается к учителю своей светлой стороной. Это особенно важно, если учесть уже сказанное: дети, приходя в школу, находятся на разных уровнях развития, и тот, кто отстает от своих сверстников, в этом не виноват. Учитель для ребенка — источник не только света, но и тепла. Особенно важно согреть этим теплом тех, кто его недополучил в дошкольном детстве.

И тут самое время сказать об одном весьма распространенном недостатке учителей начальной школы. Нередко учитель ценит в ученике лишь свое отражение: чем точнее ребенок выполняет требования педагога, тем больше душевного тепла он получает в ответ. Конечно, в младшем возрасте воспитание и научение — это прежде всего подражание. Хорошо, если пример достоин подражания, а ну как нет? Если учитель любит не ученика, а себя в ученике? Если дети нужны ему для удовлетворения собственного честолюбия? Еще страшнее, когда детей приносят в жертву мелочному корыстолюбию, превращают их в средство эксплуатации семьи. Тогда школа становится трагедией для маленького человека, для его родителей.

Уверен, что некоторые читатели упрекнут меня в оскорблении профессионального достоинства учителей начальных классов. Но я имею право говорить эти слова: я не меньше других знаю учителей и преклоняюсь перед теми, кто честно, бескорыстно и благородно служит нашему делу. Тем более нетерпимы сегодня уроды в педагогической семье. Они покалечили столько судеб людей, что достойны позорного изгнания из школы!

Ребенок по природе своей талантлив, только он про это не знает. Разовьются ли его природные задатки — зависит от учителя. У меня немало хороших знакомых среди детей первых — третьих классов. Это все люди необычайно интересные: один увлекается природой, другой сочиняет фантастические сказки, третий знает наизусть политическую карту мира, четвертый сам

взялся за иностранные языки. Но у всех у них одна беда: в школе за свои чудачества, не входящие в программу, они находятся на положении шутов, изгоев, подвергаются жестоким насмешкам более ограниченных товарищей. А учителя знают только одно — «знания, умения и навыки». Вот уж воистину «горе от ума»!

Как правило, эмоциональное восприятие мира у младшего школьника преобладает над рациональным. Поэтому учителю необходимо овладевать методикой эмоционального пробуждения разума. Все дети — фантазеры. Творчество для них — естественное состояние, игра им необходима. Учитель должен уметь играть, превратить игру в эффективное средство обучения и воспитания.

Ребенок воспринимает окружающую его действительность целостно, не расчленяя ее по темам, аспектам, направлениям, как это делают умные педагоги. В этом его неоспоримое преимущество перед взрослыми.

Как важно возможно дольше сберечь и сохранить целостное, образное, детское восприятие мира! Как важно влиять одновременно на сознание, чувства и поступки детей!

Мы уже говорили: в школе ребенок получает то, что не может получить нигде, — коллектив. Здесь он может иметь могучую компенсацию за недостатки семейного воспитания. Коллектив для него — среда обитания, средство развития. В начальных классах характер детского коллектива более, чем в других, зависит от позиции, действий, профессиональной мудрости одного учителя. Важно, чтобы коллектив младших школьников о самого начала не подавлял и не усреднял личность ребенка, а, напротив, способствовал ее разумному раскрепощению и развитию.

Известно, что самым сильным воспитательным средством для учеников начальных классов является личность их первого учителя. Нередко его авторитет превосходит авторитет родителей, его слово — закон. Учитель несет то знамя, за которым идут в мир его дети. Это знамя определяет и меру труда, и меру ответственности педагога.

Вот каковы педагогические позиции учителей начальных классов московской школы № 825. Их можно даже считать нашими принципами.

Вы заметили, что прекращают делать дети, пришедшие в первый класс? Они перестают задавать вопросы, Вернее, они их задают, но не те знаменитые «почему», которыми они еще недавно буквально изводили всех взрослых. Характер вопросов меняется: «Можно поднять ручку?», «Можно выйти?», «Можно спросить?» Новая школьная жизнь так плотно обнимает ребенка

«своей жесткой регламентацией (как сидеть, как стоять, как ходить, что, когда и как делать), что для проявления обычной любознательности уже и места нет.

Мы в нашей школе постоянно побуждаем детей задавать вопросы, не имеющие отношения к школьной программе. Ребенок, не спрашивающий ни о чем, вызывает тревогу. Море детских вопросов настолько безбрежно, что, кажется, невозможно их систематизировать. Детей интересует соотношение сказочного и реального: «Есть ли Дед Мороз на самом деле?»; «Почему кукла неживая?». Возникают и вопросы глубочайшего философского содержания: «Что делает человека человеком?»; «Для чего я живу?». Разнообразны у младших школьников и научные интересы: «Как произошли времена года?»; «Почему Земля круглая?»; «Отчего произошли звезды?»; «Почему люди не могут летать, как птицы?»; «Как появилась природа?»; «На чем держится Земля?»; «Как возник туман?»; «Кто придумал числа?»; «Можно ли другим способом сделать минеральную воду, не газировать?»; «Загорится ли лампочка в космосе без стеклянной оболочки, которая прикрывает волоски?»; «Почему трава зеленая?». Очень много вопросов о животных: «Ели динозавры людей?»; «Почему кот царапается?»; «Какой самый умный зверь?»; «Как у верблюда образовался горб?». Наши дети интересуются политикой и историей: «Почему люди говорят на разных языках?»; «Почему была война?»; «Когда был царь Николай II?»; «Сколько всего стран?»; «Почему президент США хочет, чтобы на Земле была война?»; «Кто был первым человеком?». Принято считать, что младшие школьники равнодушны к внутреннему миру человека. Не могу с этим согласиться, ибо в зоне их интересов — вопросы жизни и смерти, коренные проблемы человеческого бытия: «Как рождается ребенок?»; «Что такое «ссориться»?»; «Откуда произошло слово «мама»?»; «А до скольки лет будут жить мама, папа и учительница?»; «Что такое «любовь»?».

Вот малая толика вопросов, которые задают нам дети.

А теперь спросим себя: как же надо работать, чтобы не погасить, но еще ярче разжечь этот огонь?

Подростки

О подростках написано и сказано, пожалуй, больше, чем обо всех школьных возрастах. Педагоги и психологи, медики и журналисты «пропахали» эту тему вдоль и поперек. Почему же даже у самых опытных учителей нет уверенности, что они знают подростка «до донышка»? Вероятно, потому, что подросток всегда и везде разный, его поступки непредсказуемы.

Раньше, лет 20 назад, ученики четвертых — седьмых классов считались в школе одной возрастной группой. У них было больше общего, чем различного. Сегодня пятиклассник и семиклассник — это совсем разные люди.

«Выпускника» начальной школы, перешедшего в четвертый класс, поражает количество учителей, предметов и кабинетов. Сориентированный до сих пор на одного, главного учителя и на свою постоянную классную комнату, четвероклассник поначалу теряется. Он бегает выпучив глаза по этажам, путает кабинеты, забывает вещи, опаздывает на уроки, на которых долго не может успокоиться. Он похож на того, кого учат плавать, выбросив из лодки в свободную воду. Вот и барахтается. Это своеобразная проверка на выживание в новой школьной ситуации, которая для четвероклассника полна необъяснимых парадоксов.

Из положения старшего по возрасту в начальной школе он попадает в позицию младшего средних и старших классов. Он как бы отброшен назад, он снова стал маленьким. К концу прошлого года третьеклассники, как цыплята вокруг наседки, сплотились вокруг учительницы, подравнялись, стали похожими друг на друга даже выражением лица. И вдруг все снова рассыпались, и каждый «клюет» свое.

Прежняя учительница весь рабочий день была со своим классом: и на уроках, и на переменах, и в столовой, 'куда она, взяв за руки первых двух ребят, чинно вела весь свой «выводок». Нынешняя классная руководительница только урывками может видеть своих подопечных: она занята сменой классов, журналов, подготовкой к следующему уроку. Когда наступает большая перемена — время массового кормления детей, когда, словно горные жители, спускающиеся в долину, с верхних этажей школы идет лавина классов, она кидается в этот людской поток за своими несмышленышами (как бы не затоптали!). А те, наскоро проглотив остывшую сосиску, идут искать брошенные где-то в коридоре сумки, портфели, мешки со сменной обувью.

Конечно, через несколько недель эта суматоха войдет в привычную колею. Но за это время она успеет разрушить

некоторые прежние привычки. Однако все разрушить нельзя. Есть немало такого, что твердо усвоено в прошлом, — и хорошего и плохого.

Первые месяцы четвероклассники живут стереотипами начальной школы. Их общественное мнение, совпадающее с мнением прежней учительницы, оценки товарищей, «ярлыки», навешанные в прежние годы, отношение к школьному баллу как к высшей оценке человека, привычка к постоянному вниманию и контролю, определенность и однозначность критериев — все это переносится в четвертый класс. На этом фоне идет освоение новой жизни в средней школе.

Процесс адаптации и перестройки происходит тем труднее и болезненнее, чем в большей степени начальные классы изолированы от остальной школы. Кстати, чаще всего именно так и бывает. Младшеклассникам отводится в школе особый этаж, через который запрещается ходить остальному ее населению. Учителя начальных классов держатся обособленно; в специфику их работы почти никто не вникает. Директор, как правило, специалист-предметник, никогда в начальной школе не работавший, так что он передоверяет руководство ею завучу. В этом особом мире свои заботы, свои правила. Здесь проводятся праздники Букваря и Красной Звездочки, здесь свои контрольные работы и экскурсии в природу, до которых остальной школе дела нет. «Высшие этажи» смотрят на начальную школу сверху вниз, с тайным или явным превосходством.

Совсем по-другому происходит переход детей в средние классы, если в школе создан единый разновозрастный коллектив, сплоченный общими интересами, делами, стилем отношений, если малыши постоянно чувствуют заботу и внимание старшеклассников.

Как-то в нашей школе была новогодняя елка для первоклассников. Ее готовили и проводили выпускники. Десятиклассники с упоением представляли разных зверей и птиц, добрых героев сказок и злодеев. По ходу праздника перед детьми появилась Снегурочка — ее роль исполняла тоже десятиклассница. Начался традиционный диалог: «Здравствуйте, дети!» — «Здравствуй!» — «Вы меня узнали?» — «Да!» — «Кто я?» — «Оля!» Вот так, можно сказать, поименно, малыши знают выпускников в нашей школе.

Но вернемся к младшим подросткам.

В воспитании их по-прежнему велика роль подражания. Но если раньше подражали учительнице и тому, на кого она укажет, то теперь разрыв в объектах велик. Явно ослабляется авторитет взрослого, столь же явно возрастают пример ребят постарше,

ориентация на дворовых героев и на старшеклассников. Подражание литературным персонажам сведено до минимума. И дело не только в том, что ребята стали меньше читать. Современная подростковая литература не дает героев, способных вызвать желание подражать. Кинематограф, имея ту же литературную основу, в поисках идеала тоже помочь подростку не может. Правда, Ролан Быков пытается убедить нас, что Лена Усольцева из «Чучела» и есть современный положительный герой, но при всем уважении подражать ей что-то не хочется. Да и ориентиры у ребят этого возраста легко и часто меняются.

Эмоции и в этом возрасте первичны. Сначала — эмоции, потом — поступок, а затем — обдумывание его. Однако в последнее время эмоции под напором информации стали ослабевать. Нагрузка на нервную систему такова, что некогда пережить, прочувствовать новую информацию. Поэтому внутренний мир подростка разнообразен, но не глубок. Как уже было сказано, книга потеряла прежнюю роль руководителя духовной жизни. На одном из высоких совещаний было сказано, что московский школьник-подросток читает в среднем пять-шесть книг в год.

Главный двигатель в жизни младшего подростка — интерес, но опять же непостоянный. Это проявляется прежде всего в учении: все, что занимательно, усваивается легко и прочно. Дружат в основном с кем интереснее. Но постоянных компаний почти нет. Ребята этого возраста часто меняют друзей, могут наговорить на товарища, разругаться с ним, даже предать и при этом не очень расстроиться или обидеться, а через несколько дней вновь сойтись как ни в чем не бывало.

Мальчишки и девчонки дружат и дерутся на равных, причем трудно поверить, что девочки — слабый пол. Оми крупнее, а иногда и физически сильнее ребят. Некоторые мальчишки им «в пупок дышат». И все это спокойно уживается с первым подростковым ухаживанием.

Уже в этом возрасте возникает интерес к коллективному досугу с застольем и танцами. Правда, на столах — газированная вода и кое-какие сладости, но это неважно, зато — вместе и за столом. Танцы пока не парные, а массовые, однако уже популярны свои «брейкеры».

Ребята очень любят получать подарки и слушать добрые слова в свой адрес. Поэтому они не упускают любого случая. Так, в День Советской Армии девочки поздравляют мальчишек, чтобы иметь удовольствие 8 Марта получить ответное внимание от них. Некоторые учителя и родители видят в этом кощунственное извращение всенародных праздников, но единственное, что могут

сделать, — увеличить долю взрослых в праздничных поздравлениях.

Классные вечера (это, конечно, еще не совсем вечера, но уже и не детские утренники) чаще всего имеют форму дня именинника. К нему готовится и развлекательная программа. Например, такая. Мальчишки-пятиклассники приносят в класс кассетный магнитофон с модными ритмами, берут в руки палки, швабры, закрываются в кабинете и с упоением изображают бит-группу со всеми соответствующими ужимками и телодвижениями, старательно разевая рты. Это они готовят номер под фонограмму, якобы пародию на «тяжелый рок». Очень искренне и увлеченно. А я думаю: какие хитрецы и выдумщики! Своих гитар у них нет, к аппаратуре их не подпускают, а хочется. И вот они придумали номер. И придраться нельзя, и удовольствие получают.

Подростки среднего и старшего возрастов все более усложняются в социальном отношении. Они в массе своей еще не умеют лицемерить, чему уже научились старшеклассники, не любят притворяться. Все взрослые перед ними — как на рентгене. Если учитель в работе с этим возрастом покривит душой, пощады не жди. Здесь закладываются основы содружества и взаимопонимания педагогов со старшеклассниками.

В этом возрасте в сознании ребят происходит раздвоение образа педагога на учителя и человека. Раньше любимые предметы преподавали любимые учителя, и наоборот. Теперь все сложнее. Старшие подростки уже способны «развести» профессиональное мастерство учителя и его человеческие качества, при этом второе имеет для них большее значение. Это потому, что они еще лишены потребительского отношения к педагогу. Многие «деловые» старшеклассники будут выше ценить того учителя, от которого можно больше взять. Для подростков важно, чтобы работающий с ними человек был искренним, добрым, справедливым и непременно с юмором.

Шестиклассники и семиклассники по физическому облику тоже неоднородны: кто-то уже почти юноша, а кто-то еще в коротких штанишках. Они растянулись на дистанции, как бегуны в марафоне. Но в целом это уже другие люди: они редко дерутся, особенно по пустякам. Естественно, что девочки в драках не участвуют. Причины конфликтов теперь серьезные — отношения. Стремление к справедливости — характерная черта. Иначе теперь складываются взаимоотношения полов: начинают возникать первые пары.

Эти подростки болезненно самолюбивы. Они очень боятся выглядеть в глазах товарищей глупыми или смешными. Это очень

ранимый возраст, в обращении с ним нужен такт и великое терпение. Ребята необычайно ценят доверительность старших, любят «душевные разговоры». Этому возрасту вполне уже свойствен подростковый максимализм. В них могут уживаться беспощадное самобичевание и возведение даже самых малых недостатков товарищей в общечеловеческие пороки, махровый эгоизм и готовность к жертве во имя людей.

Жизнь любого школьника делится на две части: уроки и все, что после них. Взрослым очень хочется, чтобы первая часть была и самой важной. Однако в сознании подростка, даже очень добросовестного и хорошего ученика, уроки редко связываются с понятиями долга, чести, социальной ответственности.

Известно, что человеком движут потребности. Если это справедливо для взрослого, то вдвойне — для подростка. Спросим себя: много ли мы видели шестиклассников, для которых уроки были бы первейшей потребностью? Я, например, таких встречал чрезвычайно редко. Обязанностью они являются для многих, а еще чаще — «обязаловкой». Это слово подросток отождествляет с насилием. А насилие, как известно, вызывает у него реакцию протеста.

Ведь урок чаще всего строится на поучении, на нормативных указаниях, на догмах. На уроке нельзя своевольничать, но зато необходимо безоговорочно подчиняться строгим правилам. Подросток еще не видит целесообразности и строгой прелести в единых требованиях. Шестиклассник — уже не ученик начальной школы, для которого урок — новый вид деятельности по сравнению с детским садом. С другой стороны, он еще не старшеклассник, у которого знания связываются с жизненными планами и деловым успехом, а значит, уроки уже не все на одно лицо, а есть хотя бы некоторые, которым от отдает предпочтение. Шестикласснику до выпуска еще далеко, и годы эти кажутся долгими, как дорога за горизонт. А пока ежедневное однообразие: опрос, вызовы к доске, монотонное разжевывание «основ знаний», домашние задания, контрольные — все это ему порядком надоело. Надо произойти чему-то необычному, чтобы серое однообразие засверкало яркими красками познавательного интереса.

Подростковый возраст не зря называют временем действий. Для того же шестиклассника просидеть без движения сорок пять минут — пытка. А если каждый день по пять таких порций неподвижности! Попробуйте взрослого человека посадить в какой-нибудь класс на пять-шесть уроков подряд. Он ведь обалдеет. А дети это должны испытывать годами. Конечно, человек ко всему привыкает, детский организм постепенно

приспосабливается и к такому режиму, но ведь это требует громадных волевых усилий. Учителю легче: он ходит по классу, может постоять или посидеть, когда захочет. Ученик же только от одного запрета на движение начинает мучиться на двадцатой минуте урока.

Между тем настоящими мастерами педагогического дела считаются те учителя, кто может в абсолютном порядке и постоянном напряжении продержать класс все сорок пять минут. Мало того. Сейчас внедряются идеи интенсификации учебного труда ученика, и уже теперь видно, как их понимают учителя волевые, авторитарного склада. Бедные дети! Мало кто из взрослых способен понять, что периоды полного безразличия на уроках, сменяющиеся беготней и дикими телодвижениями на переменах, — это своеобразная защитная реакция детского организма.

Говорят, в школах Норвегии есть специальная комната шума. Известно, что японские фирмы устанавливают в местах общего пользования чучела начальников, которые используются для физической и нервной разрядки. Много еще хитростей придумывают психологи, чтобы уберечь нервную систему человека от стрессов. Только в наших школах по-прежнему превыше всего ценятся тишина и порядок, а бегущий по коридору ученик вызывает немедленное одергивание. Про учителя, уроки которого слышны из-за двери класса, говорят, он не владеет дисциплиной. Слова-то какие — «владеет дисциплиной». Ведь по этому признаку на работу принимают!

Но отрицательное отношение подростков к урокам вовсе не говорит об убогости их умственных сил. Ведь познавательный интерес у них очень высок. Другое дело, что он далеко не всегда направлен на школьную программу, и это опять-таки вызывает досаду взрослых. Но именно здесь и нужен «высший пилотаж» педагога, а не заедающие жизнь подростка упреки.

Любопытство же, желание все попробовать самому у подростка действительно огромны. Конечно, в этом не только прелесть возраста, но и его опасность.

Во время Московского фестиваля молодежи школам и родителям было настоятельно рекомендовано максимальное количество подростков вывезти из города. Понятно, что это делалось прежде всего в разумных педагогических целях. Но фестиваль широко транслировался по Центральному телевидению. Ежедневно по нескольку часов ребята могли видеть его разнообразную и яркую программу. И вот вскоре после окончания праздника, в сентябре—октябре нового учебного года, милиции пришлось заниматься увещеванием подростков,

атакующих иностранных туристов у московских отелей. Учащихся ставили на учет в детских комнатах, в школы пошли пачки «приводов», и там разгорались страсти.

Я далек от мысли оправдывать «приставание к иностранцам», это действительно недостойно советских школьников. Но среди криминальных причин такого явления есть и обычная, возрастная — любопытство. И здесь сыграл свою роль авторитет телеэкрана. Ведь один и тот же сюжет по-разному воспринимают взрослые и дети. Что усвоили подростки из фестивальных передач? Дружить — значит общаться, общаться — значит меняться. Ведь на наших глазах все было именно так. Встречаются молодые люди разных стран, и начинается веселая кутерьма: я тебе шапочку — ты мне рубашку.

А вот гораздо более печальный пример подросткового любопытства, пример, чреватый трагическими последствиями. Я имею в виду токсикоманию.

Она застала нас врасплох. Никто не был готов к этой беде, все считали, что «пороки загнивающего Запада» нас не коснутся. Но теперь уже ни для кого не секрет то, о чем говорит статистика. А она свидетельствует, что наибольшее увлечение токсикоманией приходится на возраст 12—14 лет. И еще: 78% этих ребят приобщились к наркотикам из любопытства! Из любопытства подросток надевает себе на голову целлофановый мешок, смоченный раствором. Из любопытства он нюхает дома все порошки и дезодоранты. Страшно еще то, что в одиночку ему неинтересно. В пустых квартирах, на чердаках и в подвалах собираются группы таких «любопытных». Поэтому трубить отбой рано, и бдительность терять непозволительно.

Из сказанного напрашивается по крайней мере два вывода.

Во-первых, сегодня в своей воспитательной работе мы обязаны учитывать процессы, происходящие в молодежной среде всего мира. Мы ведь не за железным занавесом живем. И средства массовой коммуникации, и развивающиеся молодежные контакты, и разнообразные экономические и культурные связи, что приводит к длительному пребыванию за рубежом многих родителей наших школьников, а также самих детей, — все это существенно влияет на воспитательную ситуацию.

Во-вторых, пора серьезно заняться подростковым досугом. Исследования С. А. Шмакова, липецкого педагога-ученого, показывают, что свободное время современного школьника (каникулы, праздники, выходные, ежедневные свободные часы) составляет 210—220 дней в году! Сегодня понятно каждому: если в школе ребенку плохо, скучно, страшно, он бежит из нее на улицу, в подворотню, в подвал. Кстати, я вовсе не против улицы.

Но я за то, чтобы главный интерес школьника был в школе. Если школа — значимая, ценная часть жизни подростка, ему легче переболеть извращениями молодежной моды. Но чтобы в школе подростку было интересно проводить свободное время, нужно выполнять несколько педагогических условий.

Условие первое — в досуге совершенно необходимо учитывать интересы самих школьников. А какова реальность? Взрослые навязывают детям такие формы досуга, которые легче организовать и легче проконтролировать. Это прежде всего мероприятия разговорного жанра — беседа, заседание клуба, занятие кружка, обсуждение книги, статьи, фильма. На втором месте стоят всевозможные экскурсии — пешеходные и автобусные, посещение музеев, выставок, короткие выходы в природу (без ночевок). Наконец, так называемые культпоходы в кино и театр. Вот нехитрый набор воспитательных мероприятий в сфере досуга. Все они, как правило, носят дидактическую окраску: слова назидания в них преобладают над практической деятельностью.

Второе условие — полная добровольность, признание за каждым права участвовать или не участвовать в предлагаемом времяпрепровождении. В реальности же многие формы досуга носят обязательный, принудительный характер.

Вот типичный пример. В разгар Пушкинского года на экраны московских кинотеатров вышел фильм «Последняя дорога» — фильм сложный и печальный, но, как говорится, некассовый. Возникла проблема: как обеспечить аудиторию. На свободного зрителя расчета нет. Но ведь есть школьники, а у них — учителя. Пушкин — это школьная программа. Значит, выход прост: расписать школы за кинотеатрами, дать каждому директору жесткую норму билетов — и все дневные сеансы обеспечены. А что школы? На формальные требования — формальное действие. Хорошо бы старшеклассников сводить на фильм. Но это публика своевольная. То ли дело ученики четвертых—шестых классов. Они еще управляемы и с определенной долей напора со стороны классных руководителей, пожалуй, в кинотеатр пойдут. И вот залы заполнены подростками, насильно согнанными на фильм. Гаснет свет, и начинается дикая вакханалия, устроенная как бы в издевательство над памятью великого поэта.

Третье условие — обеспечение подростку активной роли. Подсчитано, что если внеурочные дела школ принять за 100%, то 80% из них — это мероприятия, в которых дети участвуют как зрители или слушатели. Пассивность отведенной роли превращается в привычку, в требование — развлекайте нас!

В 60—70-х годах в стране было немало энтузиастов, которые

придумывали активные формы досуговой деятельности. И напридумывали они громадное количество — около четырех тысяч форм. Но «отцам и благодетелям народного образования», а пуще того суровым, деловым администраторам, взявшим на себя право решать, что надо, а что не надо «нашей молодежи», такое творчество показалось предосудительным. Другое дело — «уроки мира», «уроки мужества», «общественные аттестации», «праздники труда». И высокая идейность гарантирована, и контролировать легко, ибо всегда владеешь ситуацией.

А о досуге в этой самой ситуации и речи быть не может. Он заменен плановой, организованной сверху донизу воспитательной работой. Как мы привыкли, с одной стороны, все называть работой, а с другой — все превращать в работу, даже отдых!

Наконец, хочется обратить внимание вот на что. Досуг — это сфера свободного творчества, игры, общения, следовательно, фантазии и экспромта. Одним из самых печальных наследий прошлого является репетиционная педагогика. Какое воспитательное мероприятие и сегодня получает наивысшую оценку? То, где все отработано, где каждый точно знает, что говорить, куда шагать, что делать и как перестраиваться. Не дай бог, если кто то перепутает слова, если возникнет непредвиденная пауза, если замолчит микрофон, погаснет свет, не вовремя включится фонограмма! В угоду такому идеалу развивается педагогическая дрессура, в которой дети теряют последние остатки фантазии, непосредственности, интереса. А у педагогов постепенно возник комплекс — страх перед тем, что вдруг дети заговорят своими словами. Многолетний пример Центрального телевидения с детскими феериями во Дворце съездов и бесчисленными пионерскими приветствиями сделал свое дело. Ориентир, как говорят ребята, железный.

Мне уже доводилось рассказывать о воскресных встречах, которые проводятся в нашей школе — московской школе № 825. Ребята и взрослые вместе проводят выходной день, они общаются, рассказывают интересные истории, устраивают друг другу шутливые экзамены, придумывают и тут же разыгрывают забавные сценки из школьной и нешкольной жизни, поют песни в «орлятском кругу», поздравляют именинников, провожают в армию — словом, вместе весело и интересно проводят свое свободное время.

В последнее время на этих воскресных встречах присутствует много гостей. Это не только учащиеся разных школ Москвы и области, но и учителя. Характерно, что педагоги всегда задают одни и те же вопросы. А кто все придумал и спланировал? Кто и

как готовил это мероприятие? Как распределялись обязанности? Как вы добились присутствия такого количества учащихся и учителей?

Мы им говорим: товарищи дорогие, забудьте, что вы на воспитательном мероприятии! Здесь совсем другой подход. Тут все на импровизации построено. И еще. Мы сегодня не работаем, а просто проводим свободное время. Кто хочет. Гости кивают головами, но мы чувствуем, как тяжко им дается раскрепощение от педагогической закомплексованности.

Один очень серьезный человек, посмотрев, с каким упоением ребята разыгрывают «шпионские страсти», с нескрываемой досадой сказал: «Так ведь это балаган!»

И я подосадовал тоже: как жаль, что современный подросток ни настоящего народного балагана не видел, ни слова такого не знает!

Старшеклассники

Старшеклассник определяет лицо школы. Я бы сказал так: каковы старшеклассники, такова и школа. Именно старший возраст школьников нынче стал главным объектом педагогического внимания. На то есть разные причины; одна из них — стремление учительских коллективов оценить свою работу по конечному результату. Старшеклассник, выпускник — это и есть конечный результат педагогического труда.

В размышлениях о младших школьниках и подростках я все время подчеркивал их громадное разнообразие. Как ни парадоксально это покажется, но о старшеклассниках я такого сказать не могу. Они, конечно, тоже все разные, но в меньшей степени, чем подростки. У них больше общего. К 15—16 годам растущий человек, испытывающий постоянное влияние определенных общественных стереотипов, сформировался в духе этих стандартов. Одним из таких стандартов, к примеру, является молодежная мода. Ее влияние на старшеклассников столь деспотично, что, кажется, разреши им завтра прийти на уроки не в школьной форме, мы увидим безликое единообразие. У всех будут яркие куртки, цветастые или клетчатые штаны, напоминающие клоунские одежды, волосы разного цвета и в разные стороны и металлические побрякушки.

Я, конечно, сильно преувеличил. Но порой кажется, что именно школьная форма позволяет, не отвлекаясь на атрибуты уличного карнавала, разглядеть индивидуальность каждого. По крайней мере внимание обратится на выражение глаз, на нормальную литературную речь, свободную от жаргона и вульгаризмов.

Старшеклассники — и это понятно — больше других школьников сфокусировали в себе сильные и слабые стороны не только школьного, но и всего общественного бытия.

Кто больше всех заинтересован в познании старшеклассника?

Прежде всего сам старшеклассник. Время у него такое, чтобы познавать себя, сопоставляя, сравнивая с другими людьми, со сверстниками, с молодежными образами, что приходят с экрана, из эфира, с книжных и газетных страниц.

Так случилось, что в последние два года мне довелось встречаться с сотнями старшеклассников из разных городов и сел страны. Я подчеркиваю: и сел. Подчеркиваю потому, что между городскими и сельскими ребятами принципиальной разницы не было.

Я просил моих собеседников ответить на четыре вопроса:

1. Чем больше всего дорожит сегодняшний старшеклассник?

2. Каковы самые характерные его увлечения?

3. Что вам нравится в сегодняшнем старшекласснике?

4. Что вы считаете типичными недостатками ваших ровесников?

Ответы на удивление совпали.

Дружба и общение, личная свобода и мнение сверстников из той группы, в которую входит старшеклассник, способность чувствовать и понимать другого человека — вот чем больше всего дорожат ученики старших классов.

В молодежных увлечениях приоритеты очень определенны и малочисленны — современная музыка и мода. Со значительным отставанием в перечне интересов идут спорт и техника. Еще дальше — искусство.

Что нравится старшеклассникам в своих сверстниках? Целеустремленность и деловитость, желание быть личностью, воля и жажда настоящего дела. Тут следует оговориться. Все участники этих устных опросов — активисты, лучшие ученики школ. Вероятно, они в значительной степени проецировали себя на образ положительного героя. С другой стороны, не исключено, что они выражали установку на дефицит некоторых человеческих качеств. Возможно, ребята авансировали эти качества своим ровесникам.

Очень активны были старшеклассники в возрастной самокритике. Двойная мораль, лицемерие, «вещизм», равнодушие (причем даже к собственной судьбе), подверженность влиянию, неуважение к старшим, поверхностность знаний и чувств — вот какие недостатки наиболее часто называли участники опроса.

Но, отвечая на вопрос: «Каков он, современный старшеклассник?» с помощью самих старшеклассников, мы должны учесть не только то, что сказано, но и то, что не было названо. Среди ценностей, например, не нашлось места книге, знаниям, школе. А ведь в разговоре участвовали, как я уже говорил, сотни комсомольских вожаков, среди которых было немало ребят высокого уровня развития. Есть о чем подумать...

Можно, конечно, утешаться тем, что есть понятия и качества личности, к которым относятся как к само собой разумеющимся; об этом не говорят. Можно, конечно, согласиться, что результаты этого опроса не могут считаться научно объективной и достаточно полной характеристикой нынешнего поколения старшеклассников. Все правильно. И все же...

Сегодняшний выпускник — это в массе своей продукт общественных отношений, господствовавших в период застоя и торможения, в период расцвета Административной Системы

Управления обществом. Большая часть его школьной жизни пришлась на те годы, когда и его учителя в школе и родители на производстве находились под тяжелым прессом приказов и инструкций, проверок и ограничений. Конечно, были и есть островки живого, человеческого, творческого, но они существовали не столько в рамках Системы, сколько вопреки ей, как оазисы в суровой пустыне. Большая же часть школ только и могла существовать в жестких рамках догматизма и формализма. Эстафета административного зла передавалась и детям. И так как их зависимость от взрослых всегда была очень велика (причем чем старше ученик, тем эта зависимость усиливается), то школьникам ничего не оставалось, как приноровиться, приспособиться. Многие старшеклассники быстро поняли: чтобы обеспечить себе более-менее спокойную жизнь и приличное будущее, нужно прежде всего иметь «школьное алиби». Сумей получать сносные отметки, говори на уроках и собраниях то, чего от тебя ждут, не высовывайся, не изображай, что тебе больше всех надо, не спорь с учителями — так постепенно в сознании старшеклассников школа превратилась в учреждение узаконенного лицемерия. Конечно, так жили не все. Среди ребят всегда были сильны правдоискательство и свободолюбие, но для большинства таких героев это плохо кончалось. Если родителям не удавалось умолить своего ребенка «не плевать против ветра», ученику приходилось или менять школу, или получать неважный аттестат и плохую характеристику.

К этому следует добавить, что в те же годы школа потеряла свой главный специфический признак — детский коллектив. Когда коллектив подменяется администрацией, в нем уничтожаются прежде всего самоуправленческие процессы, а органы самоуправления превращаются в средство того же административного подавления. Итак, настоящий коллектив ушел из жизни школьника, а стремление к групповой сплоченности осталось. Неизрасходованные силы растущего человека, неудовлетворенная потребность в самоутверждении искали выхода. Клапан должен был открыться.

Разумеется, причины появления и существования неформальных молодежных групп глубже только желания «разрядиться». Социальные психологи и педагоги, философы и журналисты, правоохранительные органы и деятели искусства сегодня заняты серьезным анализом социальной ситуации в молодежной среде. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что многие из этих объединений являются формой юношеского протеста против накопившихся в обществе негативных явлений и противоречий, когда «мир повседневных реальностей и мир

показного благополучия все больше расходились друг с другом»[1].

Произошла деформация общественного сознания и, в частности, у старшеклассников. Конечно, в этом повинна не одна только школа. Вот несколько данных, взятых мною из материалов печати.

Более трети ленинградских юношей-десятиклассников никогда не участвуют в продовольственных покупках семьи, а потому не знают даже цен на продукты питания. Примерно такое же количество девушек-выпускниц не умеют приготовить обед. Вместе с тем разница стоимости гардероба десятиклассницы и ее матери-работницы составляет 200% — не в пользу матери, конечно. Если спросить старшеклассников столицы, какую зарплату они считают минимальной для того, чтобы жить безбедно, они называют цифру — не менее 400 рублей. Это неудивительно. Как показывают опросы, стоимость предметов, которые хотел бы немедленно приобрести современный старшеклассник крупного города, равна 700 рублям. Важная деталь: приобретение нужных вещей и предметов он отнюдь не связывает со своим трудом. Эти предметы или покупаются за деньги родных и близких (здесь не последнюю надежду великовозрастные внуки связывают с бюджетом «дедов»), или являются результатом деловых комбинаций, к которым сегодняшние школьники нередко приобщаются. Когда сотрудники НИИ трудового обучения задали подросткам-школьникам вопрос: «Что бы ты делал, если бы не нужно было учиться?», только 7% опрошенных заявили о своей готовности трудиться. Вот какова ситуация.

Однако я не хочу, чтобы эти мои записки воспринимались, как традиционное брюзжание на молодежь за то, что она мало трудится и много развлекается. Конечно же, все гораздо сложнее. Истоки многих противоречивых и непредсказуемых поступков и действий старшеклассников лежат в объективных сложностях этой социально-демографической группы нашего общества.

Современный педагог должен не только хорошо знать характерные черты старшеклассников, но и разбираться в сложностях окружающей школу социальной среды. Эти знания современному воспитателю необходимы чрезвычайно. Их нет ни в одном учебнике педагогики, ни в одном методическом пособии. Но это реальность, которую привычными догмами не подменить. Проигнорировать ее тем более нельзя. Мы уже пробовали «не заметить» наркоманию и токсикоманию, проституцию и СПИД. Это может дорого обойтись обществу. И даже сегодня, когда все средства массовой информации и органы правопорядка бьют

тревогу, многие школьные учителя стыдливо помалкивают или пытаются сделать вид, что это их не касается. Такую профессиональную трусость необходимо преодолеть как можно быстрее.

Недавно нам с учителями пришлось заниматься совершенно непривычным делом — изучением неформальных молодежных объединений.

«Металлисты» — самое массовое увлечение молодежи, объединяющее любителей «тяжелого рока» и ансамблей, его исполняющих. Ребят привлекают жесткий ритм ударных инструментов и оглушительная сила звучания. Текст песен значения не имеет: его за грохотом разобрать невозможно. Внешние признаки, определяющие принадлежность к этой группе, — черный цвет в одежде, значки с изображением любимых ансамблей, металлические заклепки, цепи, нарукавники и налобные повязки.

«Волнисты» — это увлечение пришло из ФРГ, Смысл названия — новая волна популярности битлов.

«Брейкеры» ведут свое название от американского танца «брейк» — робот. Знатоки насчитывают около десяти стилей «брейка». Внешние признаки — черные очки и перчатки того же цвета.

«Панки» — новые нигилисты, отрицающие все общепринятые нормы и вкусы под видом борьбы с негативными явлениями. Это дерзкая форма самоутверждения, доходящая до воспевания суперменства. Для «панков» характерна чрезвычайно завышенная самооценка. Своим внешним видом они бросают вызов общественному вкусу (свидетельство тому — «лисий хвост», «петушиный хохол», неимоверные нелепости в одежде).

«Пацифисты» — старшеклассники и студенты первых курсов гуманитарных вузов, объединенные пацифистскими настроениями. Они отказываются от службы в армии и от многих других обязанностей граждан своей страны. Для них характерны попытки опереться на религиозно-философские учения, ориентация на буржуазную культуру.

«Фанаты» — футбольные болельщики. Они прекрасно разбираются во всех тонкостях любимой игры, но сами, как правило, в футбол не играют (так сказать, спортсмены-заочники). Основная масса фанатов состоит из школьников и учащихся ПТУ, но в лидерах у них люди более старшего возраста.

«Рокеры» — они еще называют себя «ночными всадниками». Это хулиганы на мотоциклах. По ночам, сняв с машин глушители, они с ревом носятся на скорости 120 км в час. При этом демонстрируется полное пренебрежение правилами уличного

движения и безопасности: они несутся против движения транспорта, ставят машину на заднее колесо. Внешние атрибуты — шлемы типа «Змей Горыныч» и изображение черной пантеры.

«Система» («системные ребята») — что-то вроде «новых хиппи». Претендуют на руководство обновлением мира на основе всеобщего равенства и бескорыстия, при этом равенство и бескорыстие понимается очень широко и свободно от морали. В знак верности «системе» носят длинные волосы.

«Люберы» — молодежное объединение подмосковного города Люберцы. Группируются в подвальных клубах.

«Культуристы», или «качки» (накачивают мышцы). Развивают в себе физическую силу, чтобы, как они говорят, очистить Москву от всякой нечисти типа «панков», «пацифистов» и других. Учиняют массовые драки, творят самосуд. Ходят большими группами.

Когда первые известия о неформальных молодежных объединениях стали появляться в печати, общественная реакция была привычно традиционной: «отдельные случаи», «где-то кое-кто еще порой», «нетипично для нашей прекрасной молодежи». Когда эти заклинания не помогли, а средства массовой информации заговорили о молодежных проблемах в полный голос, директоров школ пригласили в исполкомы, где им было категорически предложено «охватить» молодежь всеми традиционными формами досуга. Приказано было открыть школы в вечерние часы и выходные дни. Наивные администраторы полагали, что «панки» и «рокеры» так и хлынут в школы. Однако не хлынули. Не для того они оттуда сбежали. У них аллергия на официальные формы организации. Этот факт красноречиво свидетельствует о нашей общей большой беде. Школа, успехами которой мы так долго гордились, оказалась в конфронтации со многими своими учениками. Этот процесс отторжения начался не вчера. Его пик пришелся на время расцвета десятилетнего всеобуча. Чем туже затягивались гайки механизма обязательного образования, тем дальше уходили от нас наши ученики.

Что же делать? Сделать школу для детей действительной ценностью, а для этого прежде всего перестроить в ней отношения на основе человечности, любви к своим питомцам.

Но вернемся к нормальным старшеклассникам, ученикам восьмых, девятых и десятых классов.

Восьмиклассники традиционно трудны во всех школах. Это объясняется рядом причин, но больше всего промежуточным положением детей этого возраста. С одной стороны, они выпускники восьмилетней школы, им предстоят первые в их жизни серьезные экзамены, С другой стороны, в старшем звене

школы они самые младшие. На них снисходительно смотрят не только выпускники, но и девятиклассники. Всеми своими корнями восьмиклассники связаны с подростковым прошлым, но ориентация на старших имеет для них большое значение. Пожалуй, главная их забота — найти свое место в среде старшеклассников, доказать, что они уже взрослые, независимые и могут принимать ответственные решения. Однако формы самоутверждения чаще всего наивны, особенно у мальчишек. Демонстративно отказаться от выполнения элементарных ученических обязанностей, сказать при всех дерзкое слово учителю, закурить у всех на виду, сыграть роль возмутителя спокойствия, чтобы обратить на себя внимание, — вот одна из линий поведения восьмиклассника.

Девочки в этом возрасте ведут себя внешне осмотрительнее, взрослее. Пока парни «выпендриваются», они тихо-мирно влюбляют в себя выпускников, а то и ребят вне школы, конечно, старше себя по возрасту. Вот эти интересы на стороне очень опасны. Если восьмиклассница «уйдет в загул», вкусит прелесть легкой жизни, вступит в интимные отношения, она перестает учиться, бывает, что уходит из дому. Если родители и учителя вовремя не увидят тревожных симптомов, может быть поздно: вернуть девочку к учению, в коллектив, в семью будет очень трудно. Тут, как пожар гасят взрывом, иногда приходится прибегать к взрыву педагогическому. Иногда семья бывает вынуждена переменить место жительства, родители берут внеочередной отпуск, а в крайних случаях обращаются к врачам-психиатрам и другим специалистам.

Восьмой класс — переходное время, время выбора, время решений. Здесь открываются три пути продолжения образования: девятый класс, ПТУ, техникум. Наиболее сильные ученики, мечтающие о вузе, конечно, остаются в школе. Те, кому учеба по тем или иным причинам не удавалась, или просто ребята с ленцой, не любящие учиться, идут в ПТУ. Они связывают поступление в училище с переходом в новое положение — полуученика-полурабочего, с обретением ранней экономической независимости, с профессией, все равно какой, но выгодной (кулинар, продавец, парикмахер, закройщик модного платья). Наконец, небольшая группа восьмиклассников готовится к поступлению в техникумы, в медицинские или педагогические училища. Это ребята, профессионально сориентированные более серьезно, чем вторая группа.

Эта различная ориентация и вносит раскол в коллектив восьмиклассников и серьезно усложняет работу педагогов. Те, кто все равно решил уходить из школы, осознают себя «отрезанным

ломтем» и считают необязательным выполнение и учебной программы (все равно выпустят!), и законов школы. А раз так, у них появляется много свободного времени, которое они тратят бездумно и бездарно. Вот тут-то их и приваживают неформальные группировки, о которых уже шла речь выше.

Девятый класс — класс нового набора. Как правило, из двух или трех восьмых классов в школе создают один девятый, так что прежние коллективы разрушаются, бывшие восьмиклассники перемешиваются, к ним добавляются новенькие, принятые из других школ. Нередко девятый класс получает и нового классного руководителя, так что работа начинается с нуля. А время-то не ждет: всего два года до выпуска. Это чувствуют все, поэтому коллективо-образующие процессы идут очень интенсивно. Пути здесь разные. Если в новом классе есть сильная группа «стариков», способная взять на себя роль ядра, вокруг нее и формируется коллектив. Иногда, наоборот, школьные аборигены сознательно уступают инициативу новичкам: дескать, пусть покажут себя. И если среди них есть яркие индивидуальности и сильные характеры, они и «показывают». Есть и третий путь: все становятся в одинаковые условия и требуют друг от друга равной доли участия.

Вообще этот период знакомства и первоначального сплочения отнимает много времени, внимания, сил. Одновременно на девятиклассников обрушивается тяжелейшая программа. В учебной работе меняется роль ученика: до восьмого класса тянули всех, в девятый пришли только желающие, да и то не все. Значит, девятиклассник с первых дней должен доказать и учителям, и товарищам, и себе серьезность своих намерений. Резко вырастает его личная ответственность за учебный труд. Методика натаскивания, характерная для восьмилетней школы, сменяется новым подходом, напоминающим вузовскую методику, — лекции, зачеты, семинарские занятия. Но и это еще не все. Девятиклассники, как правило, составляют наиболее активный отряд школьного комсомола. Из них преимущественно формируются органы самоуправления; главные дела школьного коллектива «тянут» опять же они. По крайней мере на это все надеются. Так что долго задерживаться на своих внутренних проблемах им рассчитывать не приходится.

Конечно, не все оказываются готовыми к новому напряжению, к новой роли. «Смутное время» восьмого года сказывается в виде старых привычек и понятий. Не всегда удачно складывается коллектив, и дело не только в том, что в нем существуют несколько групп. Плохо, если между ними начинается соперничество, борьба за первенство — а это, увы, не редкость.

Тревожат класс и бывшие ученики, ушедшие в ПТУ, у которых почему-то много свободного времени. Они нередко часами простаивают на школьном крыльце, поджидая прежних однокашников и пытаясь втянуть их в круг своих новых приятелей. Те, кто не нашли себя в новом коллективе, чаще всего через них включаются в те же пресловутые неформальные объединения. Так что классному руководителю надо держать ухо востро.

И вот наступает последний школьный год. Первого сентября в школу приходят повзрослевшие и возмужавшие за лето выпускники. У них совсем другие глаза, иное настроение, новое отношение к школе. Такими их делает сознание близкого окончания школьных лет. Десятый класс начинается на лирической ноте. Но это длится недолго; в первый же месяц учения выпускников и их родителей охватывает деловой азарт Записываются на всевозможные платные курсы при институтах. Некоторые, кроме того, нанимают репетиторов. Время уплотняется до предела, цена его необычайно возрастает. Если же учесть, что далеко не у всех десятиклассников есть ясная перспектива (многие на всякий случай ходят на занятия сразу в два вуза, при этом втайне мечтая о третьем), можно понять, в каком состоянии постоянной тревоги, колебаний пребывает выпускник. Он начинает плохо учиться в школе, ибо не успевает, не высыпается (курсы-то вечерние). Не выдержав напряжения, он бросает курсы, хотя некоторое время еще имитирует их посещение. Он просто морочит родителей. Уходит вечером, приходит около полуночи якобы с занятий. Он сам загоняет себя в тупик: понимает, что заврался. И время вечерних лжезанятий убивать надо. И опять возникает соблазн увлечений на стороне. Хорошо, если удастся вовремя все поставить на место. А если человек втянулся в эту двойную жизнь, что тогда? Бросать школу и идти работать, а аттестат получать в ШРМ.

Те же, кто ценой неимоверных усилий продолжают двойное обучение, уже к середине учебного года до того устают, что вообще перестают соображать. Начинаются нервные срывы. Удивительно все-таки устроен родитель десятиклассника: ему кажется, что оплачиваемые им знания должны быть более качественными, чем получаемые бесплатно в школе. Этой психологической установкой пользуются организаторы курсовой системы, обещая своим слушателям чуть ли не гарантированное поступление в вуз. Плохо еще то, что многие родители берутся за детей решать, какие знания им нужны. Десятиклассник выбирает два-три предмета и жмет на них, а остальные поддерживает «чуть тепленькими», лишь бы не на «двойку». Так все выпускники резко

разделяются на «технарей», «гуманитариев» и «никаких». Самое же неожиданное происходит за месяц до окончания школы: вдруг человек понимает, что «жил не на своей улице». Оказывается, ему внушали, что он математик (в технических вузах конкурс меньше), а у него произошел прорыв гуманитарных задатков. Бывает и наоборот, но реже.

Такие перепады и парадоксы не угрожают тем, кто ровно и стабильно работал по всем предметам. Это лучшие выпускники школы. Они, как правило, лишены узкого практицизма, и «привычка к труду благородная» помогает им в любой ситуации сохранять хорошую форму и спокойно, без паники преодолевать учебные трудности.

Во втором полугодии выпускников осеняет идея! «Братцы! Нам вместе осталось быть пять месяцев!» И, будто опомнившись, десятиклассники с жадностью начинают общаться. А тут — весна за окнами. Любовь. Клятвы в верности. И вдруг страх возможного одиночества. Возникает «чувство стада». Оно влияет даже на выбор жизненного пути. Лишь бы не одному, лишь бы рядом были товарищи. Абитуриенты объединяются в группы.

В последний месяц все в школе приобретает особый смысл — ведь все в последний раз. Последняя контрольная, последний школьный праздник, последний звонок. Кажется, совсем недавно для тебя прозвучал первый звонок. Ты нашел в толпе родителей ободряющие глаза мамы, вложил свою руку в большую ладонь десятиклассника и, ведомый им, шагнул через школьный порог. И вот прошло десять лет...

Скоро, скоро для тебя прозвучит последний школьный звонок. Ты опять увидишь среди сотен глаз тревожные, родные глаза чуть постаревшей мамы и уже сам почувствуешь в своей руке ладошку малыша-первоклассника, который на этот раз выведет тебя за школьный порог.

А потом будет последняя финишная прямая, экзамены и, наконец, выпускной бал.

Актовый зал, торжественный и многолюдный. Родители, может быть, впервые без опаски пришедшие в школу. Ковровая дорожка, ведущая на сцену. Твоя фамилия, прозвучавшая непривычно в сочетании с именем-отчеством. Неестественно напрягаясь оттого, что хочешь быть естественным, ты идешь к столу, где тебе вручают скромную серую книжечку — «Аттестат о среднем образовании»...

Идут в жизнь выпускники.

СОДРУЖЕСТВО

Обращаясь памятью в прошлое, я всегда с теплотой и волнением вспоминаю своих челябинских учеников, товарищей по работе, с которыми прошли, может быть, лучшие годы учительства. Если эта маленькая книжица случайно попадет в руки выпускника или учителя школы № 1 им. Энгельса, пусть он зайдет в старое доброе школьное здание на улице Красной, поклонится от меня памятнику погибшим выпускникам, стоящему у школьного порога, и передаст мою любовь и память всем, кого породнила эта школа.

Я бережно храню школьные документы тех лет. Вот один из них — анкета выпускника (я приведу из нее только два вопроса и характернейшие ответы на них).

Вопрос. Что тебе дала школа?

Ответ. Десять интересных лет...

— Поставила меня на ноги, дала почувствовать себя человеком...

— Знания, любовь к жизни, а не прозябание, любовь к людям...

— Заряд энтузиазма...

— Осознанное отношение к себе, к своим поступкам...

— Радость общения с людьми...

— Помогла стать более общительным, научила работать...

— Развила активность, чувство долга...

— Воспитала чувство коллективизма...

— «Все», — говорю я теперь, вспоминая маленькую девочку с косичками, которую девять лет назад привела мама во второй класс.

Вопрос. Что самое святое ты уносишь из школы?

Ответ. Честь школы, память о погибших учениках...

— Коммунарский галстук...

— Закон Красного знамени...

— Дружбу, веру в справедливость...

Так думают и говорят о школе вчерашние десятиклассники. А как себя чувствуют те, кому до выпуска еще год, два, пять, девять? Уходящие из школы думают и о них, тревожатся, оставляют наказы. Серьезные и с юмором, устные и письменные. Вот один из них. Его авторы — выпускники 1974 года челябинской школы № 1.

Наказ тем, кто учится в нашей школе сегодня, тем, кто будет в ней учиться завтра

«Мы все учились понемногу...» Учитесь много; необходимо, чтобы главным и самым большим достоянием вашим стали знания. Хорошо было бы скорее нам понять принцип «учения с увлечением».

Берегите ваших учителей. В конце концов не книги, а они — источники знаний. Помните, что память о вас останется прежде всего в учителях ваших. Помните, что к этим же учителям вы, может быть, приведете своих детей. Сделайте учителей счастливыми! Сделайте своих детей счастливыми: ведь они будут учиться у счастливых учителей.

Сохраните хорошую, светлую атмосферу школы № 1 имени Энгельса, лучшей школы города и уж по меньшей мере — нашей планеты. Будьте веселыми, станьте серьезными, взрослыми. Станьте другими, непохожими, и все же останьтесь такими же.

Берегите наши традиции! Придумайте, сделайте, свершите что-нибудь очень хорошее, как сделали мы и наши предшественники. Вспомните электровоз «Коммунар», памятник павшим выпускникам. Продолжайте операцию «Поиск». Подвиг наших выпускников с каждым годом становится ближе и отчетливее, ибо подвиги срока не имеют.

Было бы очень здорово, чтобы жило коммунарство, не погрязло бы в формализме, наполнилось бы новым светом.

Не замыкайтесь в школе. Долгая жизнь наших традиций — в постоянной связи с жизнью, с внешкольной действительностью. Не замыкайтесь только в нашем опыте. Живите будущим. Будущее не в прошедшем.

Не мучьте своих родителей! Пусть они учатся вместе с вами, пусть вместе с вами переходят из класса в класс. Приводите их чаще сюда. Им тоже иногда необходимо почувствовать себя в школе. Не мучьте своих родителей!

Жизнь школы — в единстве усилий учителей, вас, учеников, и ваших родителей. Берегите школу!

И пусть навсегда для вас будет прекрасной
Первая школа на улице Красной!»

Некоторые читатели могут сказать: хороши были выпускники полтора десятка лет назад. Нет, дело не в том. Мои сегодняшние выпускники московской школы № 825 думают и говорят так же. Почти слово в слово то же самое они пишут в своих предэкзаменационных сочинениях «Школа в моей жизни».

Уверен, что чистое, трепетное отношение к школе отличает

не только моих учеников. Скажу больше Во все времена были школы, рождавшие чувство святого товарищества, школьного братства, которое освещало человеку всю последующую жизнь.

Знаменитая «республика ШКИД» в революционном Петрограде, Радищевская школа и школа им. Лепешинского в Москве, школа-коммуна С. М. Ривеса в Одессе, колония им. А. М. Горького и коммуна им. Ф.Э. Дзержинского на Полтавщине, «Бодрая жизнь» С. Т. Шацкого в Подмосковье, школа В. А. Сухомлинского в Павлыше, школа Ф. Ф. Брюховецкого в Краснодаре, школа А. А. Захаренко в Сахновке... Вспомним лицей: «Друзья мои, прекрасен наш союз!» Так могли сказать педагоги и выпускники названных и неназванных, но сходных по своему духу школ.

Дух школы. О нем говорил еще Л. Н. Толстой, и в его размышлениях на этот счет не было ничего мистического. Сейчас мы говорим об этом другими словами: морально-психологический климат коллектива. Школы, о которых идет речь, — это прежде всего коллективы в самом высоком гуманистическом смысле этого слова. Но притом все они — яркие коллективные индивидуальности. Это все «авторские» школы. У нас этого слова боятся, усматривая в нем посягательство на идею единой школы, которая понимается как одинаковая.

Тем не менее из десятков тысяч школ в памяти потомков и в истории педагогики остаются именно «авторские» школы, ибо именно они двигают вперед дело народного образования. Старые учителя и сейчас помнят время, когда каждая школа стремилась иметь свое лицо. Но постепенно под действием Административной Системы начался и окреп процесс усреднения. Отличаться от других стало дурным тоном, творческий риск стал восприниматься как преступное нарушение руководящих указаний. Всякое отклонение от принятой нормы вызывало державный гнев облеченных властью чиновников. Строптивых наказывали отработанными на этот случай административными способами: унизительными и изнурительными проверками с последующим вызовом «на ковер», с громоподобным разносом, иногда заканчивавшимся инфарктом. Так искоренялись наиболее творческие кадры педагогов-практиков, так уничтожались яркие педагогические индивидуальности. Чтобы закрепить этот процесс, на должность директоров школ и руководителей народного образования стали назначаться люди, выбранные не по педагогическому, а по административному признаку, умеющие давить, способные, не рассуждая, доводить до практического исполнения каждую букву инструкции.

К. С. Станиславский говорил, что в искусстве есть театр, а

есть контора. Так вот контора в народном образовании задавила школу. Силовые методы руководства, ужесточение контроля, обесценивание человека — все это привело к разрыву связей между рядовыми работниками и руководством. Слово «начальство» стало ругательным. Когда вызывают к начальству, возникает состояние тревоги, портится настроение: человек ждет только неприятностей. Этот разрыв связей по вертикали отразился на отношениях между учителями и учениками. Превратившись в послушного исполнителя руководящих указаний, учитель в свою очередь и ученика превратил в объект административно-педагогического воздействия.

В этих условиях обращение группы учителей-новаторов с идеями «педагогики сотрудничества» оказалось очень актуальным и вызвало горячий отклик в педагогических и журналистских кругах.

Мне импонируют идеи «педагогики сотрудничества», проникнутые духом гуманизма, демократизма и творческого поиска. Я свидетель того, с какой жадностью истосковавшиеся по живому слову учителя буквально набрасываются на книги В. Ф. Шаталова, С. Н. Лысенковой, Е. Н. Ильина. Тысячи учителей устремились в педагогическое паломничество: не все верят печатному слову, хочется посмотреть своими глазами, как это делается, пообщаться с новаторами.

Вряд ли стоит тратить силы и дорогое время на выяснение того, сколько в «педагогике сотрудничества» действительно нового, а сколько в ней «хорошо забытого старого». Это важно, но не очень. Особенно для учителей-практиков. Важнее, мне кажется, другое.

«Педагогику сотрудничества» отождествляют с конкретным опытом трех-четырех новаторов. Но, по-моему, суть дела не в том, чтобы овладеть той педагогической техникой, которой владеют Шаталов или Ильин. Мне известно, что кое-где уже изданы приказы, обязывающие всех педагогов к определенному сроку перейти на опорные конспекты (куда деваться от дураков!). Между тем можно трижды овладеть методикой опережающего обучения, и при этом никакого сотрудничества не возникнет. Можно весь учебный курс разрисовать в виде красочных конспектов, а ученики останутся только «колесиками и винтиками» учебного механизма.

«Педагогика сотрудничества» — это система взглядов, позиций, принципов, а не арифметическая сумма методических приемов, действующих по эффекту волшебной палочки. И как бы ни был талантлив учитель, в одиночку, без коллектива единомышленников, без громадной воспитательной работы он не

реализует весь заключенный в этих идеях положительный заряд.

И еще важное условие успеха — умение вовремя призвать себе на помощь науку.

У практиков школы сегодня различные отношения с педагогической наукой. Есть среди учителей и руководителей школ немало любителей «житейской педагогики», с высокомерным презрением относящихся к теории: дескать, я в ваших высоких материях не разбираюсь и разбираться не хочу, я только практик, тем и горжусь. Сегодня такая позиция порождает в лучшем случае ремесленничество, а в худшем — оборачивается тем самым «ползучим эмпиризмом», который способен загубить любую полезную идею. Сегодня школьная практика, молодежная среда полны проблем, решение которых лежит за пределами обычного здравого смысла и опыта. Для анализа небывало сложной ситуации, а тем более для выбора оптимальных действий без науки не обойтись.

Сколько себя помню в школе, все время стоял и стою за сотрудничество, содружество, за творческий союз всех участников учебно-воспитательного процесса. Я не случайно привел наказ выпускников челябинской школы № 1 им. Энгельса. Ради содружества поколений он и писался. Вот уже более десяти лет в коллективе московской школы № 825 идет аналогичная работа.

Начну с урока. Мы видим хорошие возможности сотрудничества учителя и учеников уже на подготовительной стадии, на этапе подготовки к уроку.

Нина Ивановна Пачегина, завуч школы и математик, готовится к уроку в десятом классе. Тема трудная. Времени на нее по программе мало. У Нины Ивановны в классе есть группа наиболее сильных учеников, ее математический актив. С ними она и готовит урок, прикидывает варианты объяснения, степень трудности материала для закрепления. Методом деловой игры проигрываются фрагменты урока. Ребята, с которыми идет работа, — консультанты. Они уже не раз занимались математикой с товарищами по классу, особенно с теми, кому предмет дается с трудом. Значит, они хорошо представляют возможности одноклассников. После проведения урока учитель вновь собирает тех же ребят, и они, как люди, разделившие с педагогом ответственность, анализируют, что получилось.

Много лет считалось, что урок — форма индивидуальной учебной деятельности под руководством учителя. Общение на уроке расценивалось как злостное нарушение порядка. Естественное желание помочь товарищу подавлялось, поэтому принимало вид запретного действия — подсказки, списывания. Но вот лет пятнадцать назад в школе стали развиваться

групповые и коллективные формы учебно-познавательной деятельности. Поначалу они вызвали недоброжелательную настороженность: дескать, опять этот бригадный метод двадцатых годов. Потом разобрались. Теперь даже официальные документы Минпроса настоятельно рекомендуют использовать коллективные формы организации учебного труда. Итак, сотрудничество детей на уроке обрело признание.

А теперь — пример. Приближался итоговый опрос по истории в седьмых классах. Маргарита Сергеевна Шашурина на очередном уроке сделала такое сообщение:

— Ребята! Через четыре дня мы будем подводить итог по теме «Киевская Русь периода феодальной раздробленности». Урок будет проходить в форме аукциона.

— Мы что, торговать будем? — захихикали семиклассники.

— Не торговать, а покупать. Вы будете покупать следующие предметы: шапку Мономаха, погребальную маску Святослава, русскую избу, арбалет, топор, колт (женское украшение), берестяную грамоту и деревянную соху.

— А какими деньгами рассчитываться? — оживились ребята.

— Рассчитываться будете знаниями. Кто больше и глубже знает о предмете, тот его и получит.

А дальше началась активная подготовка. Прежде всего потребовались умельцы, способные сделать макеты, копии названных вещей. Одновременно было решено вести «групповой торг»: так выгоднее — больше узнаешь, да и азартнее. Класс разбился на группы по пять-шесть человек. Сразу стало ясно, что учебником не обойтись, надо идти в библиотеки, в читалки. Но если все будут искать материал обо всех восьми предметах, уйдет много времени. Решено было предметы поделить: каждому по одному, кому-то два (те, что попроще). Потом группа собирается для взаимного обмена информацией, ведь каждый должен знать обо всех вещах. Знания пришли в движение, они вступили в ценностный обмен.

В день аукциона кабинет истории выглядел необычно: на специальных столах разложены искусно сделанные макеты, на учительском столе — деревянный молоток, на специальных местах сидят десятиклассники, призванные оценивать ответы семиклассников, принимать их в качестве оплаты.

Учитель взмахнул молотком, и началось... «Покупатели» проявили такой азарт, такую глубину и разнообразие знаний, что выпускники пришли в совершеннейший восторг. А когда выигравшая группа получала «купленную» вещь, заработанную в честной борьбе, ликованию семиклассников не было конца.

С тех пор в практику нашей школы вошли «аукционы знаний»

В 1986 году знаменитому автору «Робинзона Крузо» Даниелю Дефо исполнилось 325 лет. До сих пор воображение юных читателей поражает образ человека, который силой знаний и воли сумел выстоять в борьбе со стихией. Триста лет назад человек уже обладал громадным духовным богатством. А как бы повел себя сегодня наш современник в подобной ситуации? Какую службу сослужили бы ему современные знания?

Мы предложили ребятам четвертых-седьмых классов вообразить себя в предлагаемых обстоятельствах. Мы им сказали: представьте себе, что вы отправляетесь всем классом (без взрослых, даже без классных руководителей) в экспедицию в малоизведанный район земли. Ваша задача — прожить там месяц, а потом рассказать об этом школе. Так родилась идея игры-путешествия «Робинзонада-86». Каждый подростковый класс на время превращался в экипаж научной экспедиции. Он получал запечатанный большой сургучной печатью конверт, в котором лежала записка с указанием координат точки на земном шаре, куда надлежало отправиться, — Аляска, Шпицберген, Гренландия, Тибет и т. д.

Как всякая научная экспедиция, это путешествие нуждалось в тщательной подготовке. Необходимо было собрать максимально больше материала о заданном районе. Естественно, что прежде всего на помощь были призваны школьные учебные предметы: история и география, биология и астрономия, физика, иностранные языки. Потом начался сбор внепрограммной информации. Начался поиск людей, побывавших в этих местах, сбор фотографий, документов, предметов истории, быта, живой и неживой природы. Заочное путешествие фиксировалось в дневнике экспедиции. После «возвращения» каждый экипаж проводил пресс-конференцию с рассказом и показом самых невероятных приключений, которые произошли в истекшем месяце.

Все взрослое население школы тоже было втянуто в эту игру, учителя увлеклись поиском. Даже в школьной столовой в этот месяц господствовала «Робинзонада».

— Товарищи! Кто знает, на каком языке говорят в Гренландии?

— Мне вчера принесли тибетскую ритуальную маску — потрясающе!

— А у нас на Шпицбергене сейчас полярная ночь. Там же ничего не увидишь...

В то время, как шла «Робинзонада-86», старшие классы осваивали совершенно новое для них дело — дидактический театр.

Идея театрализации знаний известна была давно.

В. Н. Сорока-Росинский с ее помощью сумел увлечь учением беспризорников. Его дидактический принцип «Всякое знание превращать в деяние» позволил построить целую учебно-воспитательную систему.

Мы в нашей школе много занимаемся дидактической игрой. Теперь мы решили попробовать другой ее уровень.

Каждому из старших классов, с восьмого по десятый, было предложено сочинить спектакль, основным содержанием которого стали бы учебные знания. Это мог быть рассказ об открытиях, о жизни великих ученых, о действии какого-либо научного закона. Так в школе в течение двух лет родилось двенадцать спектаклей: «Ракета и травинка», «Жизнь и смерть Антуана Лавуазье», «Новая Илиада», «Михайло Ломоносов», «Сатиры смелый властелин» и другие. На сцене совершали свои гениальные открытия Архимед и Галилей, проводили ошеломляющие химические опыты Ломоносов и Лавуазье, древние греки с помощью наук побеждали гордую Трою, принцесса Турандот задавала невиданные по сложности учебные задачи принцу Калафу. В создании спектаклей пробовали свои творческие силы (а некоторые пьесы сочинялись в стихах) все, кто хотел: учителя и ученики, родители и другие друзья школы.

Анализируя с педагогами и старшеклассниками сделанное, мы пришли к важным для себя выводам. Дидактический театр — это такая форма сценического действия, которая позволяет соединить учебный материал с личностью школьника, ибо знания как бы пропускаются через эмоциональную сферу ученика, он переживает свою личную позицию.

Театр удовлетворяет естественную потребность школьников в ролевой игре, в самовыражении Будучи дидактическим, он не предъявляет тех высоких сценических требований, которые обычно мы видим в драматических коллективах (внешность, голос, выразительность пластики). Кроме того, в дидактическом театре много таких ролей и действий, которые доступны любому ученику. Вместе с тем в нем есть и привлекательность театра в традиционном смысле: костюмы, декорации, музыкальное оформление.

Дидактический театр, с одной стороны, является добавлением и углублением учебной программы, с другой — источником новых знаний. Он дает образное, зрительное представление о том, что дети до сих пор представляли отвлеченно, абстрактно, умозрительно.

И вот что еще важно. Будучи пограничной формой педагогического действия, находясь как бы между дидактической

и воспитательной системами, он эффективно соединяет учебную и воспитательную работу в единый процесс.

Ноябрь 1986 года принес нам еще одну знаменательную дату, которая предоставила возможность сделать новый шаг в повышении авторитета знаний, — 275-летие М. В. Ломоносова.

В школе было принято решение посвятить этому событию тематический месяц. Коллективная разработка его программы натолкнулась на немалые трудности. Главная из них — включить в сложную и разнообразную деятельность, приобщить к имени великого ученого каждого ученика и учителя.

Малышам нужно было прежде всего доступно и ярко рассказать о личности Ломоносова, внушить мысль о том, что Ломоносов, прежде чем стать великим ученым, был великим учеником. Было решено провести и провезти учеников младших классов по всем ломоносовским местам Москвы, начиная со Славяно-греко-латинской академии до университета.

В средних классах изучение жизни, научной и общественной деятельности Ломоносова шло по специальной программе, разработанной группой учителей разных предметов. Потом были проведены своеобразный общественный смотр знаний и состязания знатоков Ломоносова в форме самой популярной в нашей школе телепередачи «Что? Где? Когда?».

Перед старшеклассниками ставилась еще более сложная задача. Из них была сформирована группа в 28 человек, которая отправилась в экспедицию по маршруту: Москва — Архангельск — Холмогоры — Куростров — Архангельск — Москва. Это была уже не игра, а настоящая научная экспедиция. Результатом ее явились создание специальной экспозиции, выступления-отчеты во всех классах, проведение научно-познавательной конференции, в которой на равных участвовали ученые, учителя и старшеклассники. В течение полумесяца в школе работала очень насыщенная и обширная Ломоносовская выставка, через которую прошли все 24 класса школы. Экскурсоводами на выставке, естественно, были наиболее активные собиратели материалов.

День рождения М. В. Ломоносова стал в нашей школе настоящим праздником знаний, ума, таланта. И ребята и учителя утром поздравили друг друга с днем рождения великого соотечественника. В этот день практически во всех классах прошли ломоносовские уроки, заметно обогатившие наш методический арсенал.

Впервые мы попробовали уроки, названные впоследствии межпредметными. Суть их вот в чем. Один урок ведут два или несколько учителей одновременно. Для этого выбирается тема, которую можно раскрыть средствами нескольких учебных

дисциплин. Например, урок истории в шестом классе по теме «Искусство эпохи Возрождения» вели сразу три педагога — преподаватель истории Кирилл Германович Митрофанов, учительница музыки Ирина Александровна Васильева и художник Александр Николаевич Тимаков. Это позволило, во-первых, более профессионально разобраться в основных направлениях и жанрах искусства данной эпохи, во-вторых, показать детям пример сотрудничества учителей, в-третьих, продемонстрировать их эрудицию, культуру диалога. Наконец, этот урок еще более повысил познавательную активность шестиклассников.

В день Ломоносова на таких уроках главным интегратором учебно-воспитательного процесса стала личность первого русского энциклопедиста.

Попредметное преподавание, которое существует в школе не один век, препятствует формированию в сознании учеников целостной картины мира. Не спасают и межпредметные связи, которые, как правило, осуществляются на уровне примеров из смежных областей знания. Все равно в головах у школьников все знания лежат «на разных полочках», и соединить их воедино они не умеют. Понятно поэтому, каким благодатным материалом для современного педагога является научное наследие Ломоносова: общие интересы в нем могут найти химики и биологи, философы и физики, астрономы и словесники, историки и географы. Так и произошло 19 ноября 1986 года в нашей школе.

Маргарита Сергеевна Шашурина в этот день на уроках обществоведения в десятых классах планировала обобщающее занятие по законам материалистической диалектики. В то же время и в тех же классах Наталья Ивановна Кукленко подводила итог разделу курса физики «Геометрическая оптика». Коллеги решили объединить темы и провести сдвоенный межпредметный урок «Философская и научная картина мира в свете изучения геометрической оптики». Ломоносов с его стихийным материализмом и исследованиями в области природы света дал возможность органически соединить философию и физику.

Меня часто спрашивают: откуда в ваш коллектив пришел устойчивый интерес к разнообразным формам творческого содружества детей и взрослых? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно начать издалека.

Если говорить коротко и просто, можно утверждать, что воспитывают слова, дела и отношения. Слова могут быть верными и неверными, дела могут быть удачными и неудачными. Но если отношения правильные, они компенсируют, поправят и неточное слово, и неполучившееся дело. Отношения, по моему убеждению, более всего влияют на воспитание, на образ жизни коллектива.

Продолжая начатую мысль, скажу, что все школы можно условно поделить на три типа.

Первый: школы, где преобладает воспитание словом. Чаще всего это слово назидания, внушения, требования. Когда-то слово было главным оружием и инструментом педагога. Страстное, образное, убежденное, оно вело за ним детей. В последние годы ораторы в школе перевелись, в значительной степени потому, что от говорящего требовали не то, что он думает на самом деле, а то, что надо. Из опасения сказать лишнее ораторы записывали текст. На фоне словесных стандартов люди, говорящие без бумаги, не только стали редкостью, но и вызывали подозрение, дескать, красиво говорит, а работать небось не умеет. Теперь, правда, происходит «оттаивание» живого слова, но до Луначарского нам еще далеко.

Слово учителя имеет не только информативное значение. Оно должно проникать в душу ребенка. Но для этого педагогу надо очень близко стоять к ученику, чувствовав и знать его. Если же учитель занят чем угодно, но не ребенком, его слово превратится в сухое догматическое требование. Беру на себя смелость сказать, что сегодня многие учителя разговаривать по-настоящему с учащимися не умеют. Поэтому они безоружны Им остается только вещать истины и требовать их исполнения. Этот уровень я бы назвал педагогикой требований.

Второй тип школ — школы-функционеры. Главное в них — дела, мероприятия. Объем деятельности, количество мероприятий призваны выполнить все требования, идущие сверху, «обслужить» традиционный в нашей педагогике поэлементно-тематический подход. Идейно-политическое воспитание, трудовое, нравственное, физическое, эстетическое, военно-патриотическое, атеистическое, мероприятия по санитарии и гигиене, по правилам дорожного движения, по противопожарной безопасности... Масса направлений (причем каждое непременно имеет свой план!) и лавина мероприятий. Назовем этот уровень педагогикой мероприятий.

Третий тип — школы, где главная забота педагогического коллектива — личность ребенка, его самочувствие, его положение в системе коллективных отношений. А. С. Макаренко говорил, что «проблема личности может быть разрешена, если в каждом человеке видеть личность. Если личность проектируется только в некоторых людях по какому-либо специальному выбору, нет проблемы личности...»[2]. В школах, о которых идет речь, этой проблеме отдается приоритет в ряду других. Выйти же на личность естественнее всего через отношения. Именно они и становятся главным предметом педагогической заботы. А. С.

Макаренко и это предсказывал. Итак, речь идет о третьем, высшем уровне школы. Назовем его педагогикой отношений.

Я не хочу быть понятым буквально. Это деление — не математический расклад. Конечно же, в каждом уровне, в каждом типе школ присутствуют и признаки двух других. Но главным, доминирующим является один из трех: требования, деятельность или отношения.

Так вот к педагогике отношений я пришел через коммунарство. Оно родилось в самом конце пятидесятых годов в Ленинграде. Там, во Фрунзенском Дворце пионеров, родилась знаменитая на всю страну Фрунзенская коммуна. У ее колыбели стояли Игорь Петрович Иванов и Фаина Яковлевна Шапиро.

Они придумали воспитательную методику, которая была новым осмыслением педагогических идей В. И. Ленина и Н. К. Крупской, опыта А. С. Макаренко и С. Т. Шацкого, школ-коммун 20-х годов. И все это было наложено ими на реальность 50—60-х годов. Думается, не случайно, что эта методика родилась вне школы: там господствовал авторитаризм, порожденный уже известными причинами. В условиях внешкольного детского учреждения, которому отводилась роль организатора досуга, свобода педагогического творчества и маневра была относительно большей. Развиваясь в среде внеурочной деятельности школьников, коммунарская методика строилась сразу как чисто воспитательная, вне учебного процесса, вне официальной структуры школы.

Каковы же черты коммунарства, его принципы?

Первое. Обучение лучшей жизни через включение в лучшие отношения. Ребята с гордостью называют себя коммунарами, ибо высокие идеалы людей коммунистического будущего считают для себя реальными жизненными ориентирами и воплощают их в своей среде без опасений быть осмеянными. Это удовлетворение естественной потребности юности в идеале.

Второе. Яркая альтруистическая направленность, установка на постоянное, ежедневное добротворчество, абсолютная бескорыстность, воспитание в себе привычки заботиться о людях и получать от этой заботы удовольствие. Эта позиция вырабатывает умение видеть нужды окружающих людей, загружать себя работой на их благо. В главном девизе коммунаров есть фраза: «Наша цель — счастье людей!»

Третье. Пять **само**: самоорганизация, самодеятельность, самовоспитание, самоуправление и самоанализ. Абсолютное неприятие иждивенчества, работа без расчета на взрослых. Высочайшая личная ответственность за все, что происходит вокруг, активная позиция. При этом отрицание всякого насилия,

полная добровольность, постоянная готовность подчиниться товарищу или взять на себя руководство в любом деле. Отсюда частая сменяемость руководства в коммуне, работа дежурных командиров.

Четвертое. Новые взаимоотношения со взрослыми, с педагогами. Потребность ребят в старшем друге приводит к поиску таковых. Коммунары сами приглашают к совместной с ними работе взрослых, облекая их полным доверием, но не предоставляя им никаких преимуществ, кроме гарантированного уважения. В такой ситуации пропадает ощущение возраста. Это же требует от взрослых постоянного творческого напряжения, чтобы не превратиться в балласт, не потерять статус старшего друга.

Пятое. Творчество — черта любой деятельности. Принципиальное стремление сделать самое скучное дело интересным, даже праздничным ведет к постоянной импровизации, экспромту. Это же качество является гарантией от формализма. В одной из коммунарских речевок говорится: «Формалист и бюрократ — самый ядовитый гад!» Выдумывание новых форм неизбежно обостряет внимание к инструментовке, к педагогической технике. Поэтому все коммунары — люди ярко выраженных педагогических наклонностей.

Шестое. Коллективизм в самом высоком смысле слова. Коммуна — это союз единомышленников, братьев по духу, по борьбе за лучшую жизнь. Коммунары все делают коллективно: планируют, работают, анализируют. По коллектив не усредняет личность, не приводит к человеческому единообразию. Наоборот, он помогает сформировать в каждом коммунаре яркую, неповторимую индивидуальность. Чувство коллектива порождает в коммунарах постоянную готовность прийти на помощь товарищу, взять на себя большую долю его тяжести.

Коммунары говорят: живи для улыбки товарища!

Впервые о коммунарах я узнал от своих учеников. Осенью 1964 года десятиклассники Саша Мещерский и Наташа Суслина вернулись из Всероссийского лагеря «Орленок». Вернулись восторженные, полные интереснейших идей и настроений. Там, откуда они приехали, на берегу Черного моря, близ Туапсе, проводился слет юных коммунаров. Ребятам так не терпелось поделиться своими мыслями и чувствами, что здесь же, на железнодорожном вокзале, они стали взахлеб рассказывать встречающим их друзьям о необычных людях — коммунарах, здесь же стали разучивать песни, речевки, девизы. С этого дня в школе появилось новое слово — коммунар. С этого дня начались трудовые десанты, операции «Радость людям», коммунарские дни.

Сегодня трудовым десантом никого не удивишь, а лет двадцать назад он был новой формой общественно полезной деятельности. Нам говорили: «Подумаешь, десант! Вы гоняетесь за красивыми названиями, а суть остается прежней: обычный субботник». Я скажу так: это сегодня любой субботник норовят назвать трудовым десантом. И все-таки не это главное.

Субботники в школе, как правило, проводятся по заданию администрации, в них велика организующая и контролирующая роль взрослых. Если класс получил задание, присутствие классного руководителя на субботнике обязательно и явка ребят строго обязательна. Коммунары не ждут задания, они сами ищут, где и кому нужна помощь. Сами принимают решение о высадке трудового десанта. Как известно, десант — это скорость, четкая организация и высокая сознательность. Самоорганизация в таком деле позволяет обходиться без надзора и контроля взрослых. Они участвуют в десанте на правах рядовых. Сколько бы ни было людей, они разбиваются на группы, между которыми идет веселое соревнование. Закончившие работу немедленно приходят на помощь тем, у кого она еще есть. Обязательным признаком такого десанта является хорошее настроение. Коммунары стремятся любую, даже самую грязную работу превратить в праздник. Звучат песни, речевки, шутки, смех. Здесь же возникает конкурс на самый остроумный художественный рапорт к итоговой линейке.

После десанта — «огонек». Все ребята усаживаются в круг. В центре зажигается лампа, свеча или маленький костерик — в зависимости от условий. Начинается «огонек» песнями. Их поют негромко, задушевно, «для настроения». Когда устанавливается теплая, доверительная обстановка, дежурный командир поднимает руку. Пение прекращается, начинается разбор дела. Все говорят «по солнышку», говорят коротко и четко: что было хорошо, что плохо, что надо учесть на будущее. А потом снова — песни, сюрпризы, веселые состязания.

Вообще в коммунарском быте много игр; ритуалов, которых люди трезвого, делового оклада просто не поймут. Реалисты не будут растрачивать себя на долгие лирические разговоры у костра; они спокойно спят по ночам, восстанавливают свои силы. Они не будут очертя голову кидаться на первый зов о помощи — сначала подумают, взвесят все «за» и «против». Романтики устраивают себе ночные тревоги, свято верят в дружбу и, забывая о себе, живут «для улыбки товарища». Их зовут чудаками, снисходительно улыбаются вслед: чем бы дитя ни тешилось... Но без таких чудаков жизнь была бы серой и скучной. Да и когда «чудить», если не в юности!

Мне могут сказать: выходит, коммунарство — идеальная модель воспитания? Неужели в нем нет проблем, недостатков? А как эта самодеятельность может уживаться с пионерской организацией и комсомолом — всесоюзными коммунистическими организациями, имеющими свои законы и свой Устав? Если дать волю коммунарам в школе, они станут выбирать себе классных руководителей, да и классные коллективы развалятся, так как детям вольготнее и интереснее в разновозрастном отряде. И не приведет ли стремление все делать весело, играючи к простому развлекательству?

Эти вопросы и сомнения правомерны, и ничего не сказать по такому поводу было бы нечестно.

Надо различать коммунарство как организацию и коммунарство как методику, как систему воспитательных приемов. Первое может существовать на правах общественно-политического клуба: ведь есть же политические молодежные клубы. Если он создается в школе, то должен работать под руководством и контролем комитета комсомола. Это необходимо, чтобы избежать возникновения организации в организации. Коммунарский клуб должен органически вписываться в систему воспитательной работы школы, не противоречить ее содержанию и принципам организации. Скажу сразу: для этого в школе должна доминировать педагогика отношений.

Мне лично кажется предпочтительным второй вариант.

Дело в том, что в школе есть немало условностей, обязательных моментов режима, есть и скучная, повседневная, даже рутинная работа — без этого школа не школа. На одном интересе и романтике всю ее жизнь не построишь. Но именно сейчас, как никогда, жизнь и быт школы нуждаются в обновлении, а методика воспитания — в освобождении от дидактического пресса, от засоренности и формализма. И тут неоценимую помощь окажет коммунарская методика.

Ведь можно провести собрание, а можно — откровенный разговор «на кругу». Можно создать учком с многочисленными комиссиями, а можно — совет командиров. Можно долго вымучивать план работы комсомольской организации, а можно провести «мозговую атаку» и за полчаса получить сотню предложений. Можно проводить инструктажи ответственных за разные направления работы, а можно — творческую учебу (ТУ). Можно организовать конференцию пионерско-комсомольского актива по обмену опытом, а можно провести выездной лагерный сбор всех желающих и научить их быть активными на практике. Можно всех «охватить» общественными поручениями по принципу «что дадут, то и будешь делать», а можно для каждого

дела создать «советы дела» по добровольному признаку. Можно насоздавать в школе массу комиссий, штабов, секторов, затолкать туда всех ребят и весь год проводить заседания, заслушивать отчеты, собирать сведения. А можно всех школьников провести через временные, часто обновляемые, гибкие органы самоуправления, и в них каждому дать опыт гражданского поведения.

Коммунарская (или «орлятская») методика — это громадное богатство, которым сегодня надо владеть каждому педагогу-воспитателю. Но для этого нужен определенный уровень отношений. Если просто заменить старост дежурными командирами, при этом ничего не меняя ни в содержании, ни в характере их деятельности и положения, — толку не будет. Если призвать детей к откровенности, но при первом же непривычном суждении обидеться и закатить истерику — это принесет непоправимый вред воспитателю. Если устроить разговор по кругу, но при этом говорить больше учеников и встревать после каждого слова ребят со своими поправками и комментариями — это будет смешно и нелепо. Если устраивать сцены ревности каждому коллеге, пользующемуся популярностью у ваших учеников, — это мерзко, недостойно учителя. Если на родительских собраниях клясться в любви к детям и подчеркивать свою жертвенность, а на самом деле ненавидеть их и раздражаться при первом появлении ребенка — надо немедленно уходить из школы.

Мне недавно довелось разговаривать с классными руководителями нескольких школ. Когда я спросил о самом большом их желании, мне ответили: дайте нам права. Под этим подразумевалось прежде всего право делать с учениками и их родителями все, что захочет учитель. Я услышал злые, раздраженные реплики: «Сегодня ведь никого тронуть нельзя», «Распустили всех». Мне стало страшно за детей. Я увидел перед собой «жаждущих крови» воспитанников Административной Системы: ведь с ними долго обходились так же.

В этих случаях лучше не пользоваться методикой коллективных творческих дел. Но кто всерьез решится на эту методику, тот очень скоро почувствует ее преимущество перед педагогикой требований и педагогикой мероприятий.

Однако будут и трудности. Прежде всего придется пересмотреть свои позиции, отказаться от некоторых привычных профессиональных ценностей. Не исключено, что на первых порах произойдет нарушение принятых в педагогическом коллективе отношений. В условиях демократии и гласности быстрее обнажается человеческая сущность каждого, личный вклад в

общее дело. В ученической среде возможен раскол между романтиками и реалистами, между альтруистами и эгоистами. Вообще усилится противоречие между идеальным и реальным, что прежде чаще всего приводило к двойной морали. Обилие игровых форм воспитания может привести к абсолютизации интереса, к развлекательности, к тому, что дети потеряют всякое желание делать что-либо, если это не облечено в занимательную форму.

Могут быть и другие трудности и противоречия, но живая жизнь без этого не бывает. Гораздо хуже, когда противоречия и конфликты загоняются вглубь, прикрываются внешним порядком и благополучием.

Современные проблемы современной школы можно решить только общими усилиями детей и взрослых, в обстановке творческого содружества поколений.

УЧЕНИКИ - КОЛЛЕГИ

Среди многих новых социальных процессов, происходящих на наших глазах, хочется выделить один — процесс «педагогизации» общественных отношений. Это естественно. Когда люди начинают сбрасывать с глаз шоры бюрократизма, перед ними возникают живые человеческие судьбы, характеры во всей сложности житейских и философских проблем. Новые методы работы требуют новых знаний, и прежде всего знаний о человеке. Я бы рискнул сказать так: сейчас в нашем обществе происходит переход с преимущественно административных методов руководства людьми на преимущественно педагогические (я имею в виду именно руководство людьми). Уже сегодня в штат крупных предприятий приглашаются не только психологи, социологи, но и педагоги. Уверен: не за горами то время, когда руководители всех рангов будут проходить через обязательный педагогический всеобуч.

Потребность в педагогах высокой квалификации, мастерах своего дела — одна из острейших социальных потребностей времени. До сих пор эта потребность, да и то далеко не в полной мере, удовлетворялась через высшую школу, педучилища, через систему методической переподготовки. Новая тенденция, характеризующая современный подход к педагогическим кадрам, заключается в том, что их надо готовить в школе. Именно здесь должна проходить основная работа по выявлению, воспитанию и педагогической ориентации наиболее одаренных в этом отношении учащихся.

Но прежде чем выявлять и развивать педагогические задатки и способности, надо знать, что это такое.

Педагогические способности приобретаются и развиваются в процессе социализации личности. Главным условием и одновременно главным инструментом их развития является воспитательный коллектив. Вне его нельзя убедиться в наличии или отсутствии педагогических наклонностей. Наблюдения показывают, что процесс бурного развития школьного коллектива всегда сопровождается не менее интенсивным развитием педагогических способностей, особенно у активистов, а это, в свою очередь, ведет к массовому поступлению их в педагогические вузы. Вообще чем выше уровень развития школьного коллектива, тем больше его выпускников связывают свою жизнь со школой. И наоборот: если мы хотим совершенствовать школьный коллектив, мы непременно должны обучать ученический актив педагогическим навыкам, то есть

заниматься педагогической профориентацией.

Так какие задатки, способности детей нужно развивать, чтобы подготовить их к профессии учителя?

Прежде всего нужно относительно высокое интеллектуальное, физическое и психическое развитие. Не обязательно требовать, чтобы подросток знал все на свете. Как говорили древние, «многознание уму не научает». Важно, чтобы ученик обладал устойчивым познавательным интересом, потребностью в самообразовании, чтобы он находил удовольствие в самом процессе «думания». Конечно же, состояние здоровья и нервной системы не должно отступать от нормы.

Во-вторых, важны дидактические способности. Они могут «прорезаться» очень рано, когда ребенок играет в дочки-матери или в школу. Позже, уже будучи учеником, он будет помогать товарищам в учении. Здесь многое зависит от речевой культуры, логики юного педагога, умения убеждать.

Не менее важны организаторские способности, умение вести за собой, брать на себя инициативу и ответственность, ориентироваться в нестандартных ситуациях. Таких людей в ребячьей среде принято называть лидерами. Однако надо чутко следить, чтобы лидерство не перешло в начальствование.

Еще одна группа способностей — коммуникативные. Ведь учитель должен быть мастером общения. Если человек замкнут, плохо сходится с людьми, такому в педагоги лучше не идти. Но есть такие счастливые натуры, которые с детских лет легко вступают в контакт, чувствуют себя в коллективе как рыба в воде.

Наконец, еще одно качество, необходимое для нашей профессии, — человеколюбие, альтруистическая направленность. Все человечество можно поделить на две большие части: одни сориентированы на себя, другие — на людей. Если человек любит не школу, а себя в школе, если он эгоистичен, если он не способен поступиться своими личными интересами ради людей, ради детей, — это не учитель. Если он не способен разделить со своими учениками все, что выпадает на их долю, — это не учитель. Учительский альтруизм надо воспитывать со школьного возраста. Важнейший путь такого воспитания — включение ребят, имеющих перечисленные выше задатки, в разнообразную общественно-педагогическую деятельность. Но это не единственный путь. Нужно и педагогическое просвещение.

Под педагогическим просвещением обычно понимается пропаганда педагогических знаний, проводимая среди родителей. Мы считаем не менее важным «педагогизацию» ученической среды. Для этого учителя нашей школы, строя учебный процесс, сознательно делают педагогические акценты в преподаваемом

программном материале. На уроках истории мы подчеркиваем, что все великие революционеры были талантливыми педагогами. Жизнь и деятельность учительской семьи Ульяновых, работа В. И. Ленина по воспитанию трудящихся в духе коммунистических идеалов — благодатный материал для педагогического просвещения. Богатейшие возможности в этом отношении дает литература.

На одном из весенних лагерных сборов пионерско-комсомольского актива с успехом прошло творческое коллективное дело под названием «Педагогиада». Семь отрядов сбора получили задания, связанные с историей обучения и воспитания детей в человеческом обществе — от школы древних Афин до коммунистического будущего. Задача состояла в том, чтобы найти, отобрать, оформить материал по заданному этапу школы и подготовить сценическую композицию. Той же цели активного познания педагогики служат программы школьной агитбригады. Важной формой профориентации, связывающей учителей и учащихся, является работа педагогического отряда. Это своеобразный спутник педагогического коллектива. Педотряд состоит из выпускников школы, большинство которых в настоящее время учатся в педагогических вузах и училищах.

Возможности педагогической профориентации резко возросли с открытием в нашей школе классов педагогической направленности, работающих в рамках общей программы трудовой и профессиональной подготовки. Систематические занятия по педагогике и психологии, знакомство с методикой учебной и воспитательной работы, проведение пробных уроков, деловые игры, психологический тренинг, разнообразная педагогическая практика, замена заболевших учителей, участие в работе педагогического совета — все это обеспечивает солидную предпрофессиональную подготовку тем, кто избрал педагогическое поприще.

Педагогические классы получили довольно широкое распространение в школах многих городов страны. Созданные в рамках школьной программы по трудовому обучению и профессиональной подготовке, они на сегодня дают наивысший результат по сравнению с другими профессиями, изучение которых проходит на базе УПК. Примерно каждый второй выпускник педклассов выбирает педагогическую профессию.

Однако отношение к этой форме профессиональной подготовки не всегда встречает понимание, которого она заслуживает. Видимо, это происходит потому, что работа педклассов не укладывается в понятие «производительный труд». И это очень обидно. Получается, что изготовление сомнительной

ценности детали на токарном станке важнее работы по формированию человека.

И еще об одной проблеме хочется сказать. Работа классов почти не интересует руководство и профессорско-преподавательский состав пединститутов, хотя, казалось бы, именно они и должны проявить наивысшую заинтересованность в профессионально подготовленных абитуриентах. В этом факте я и мои коллеги видим проявление традиционной ориентации педагогических вузов на «чистую науку» и продолжающийся отрыв от школы.

Мы тщательно следим за тем, чтобы учащиеся педагогических классов не превратились в элитарную группу приближенных к учителям любимцев. Это настоящий актив школы, берущий на себя большую меру ответственности, работающий по нравственному убеждению, независимо от выборной должности и официального статуса. Это лидеры, признанные всем школьным коллективом.

В конце каждого учебного года мы проводим пресс-конференцию учителей школы и десятиклассников, на которой выпускники могут задавать любые вопросы по педагогической профессии. Это как бы итоговый разговор перед расставанием. Не на всяком педсовете может получиться такой разговор, о котором я хочу рассказать. Наберитесь терпения — думается, это важно.

Итак, отрывки из стенограммы встречи выпускников и учителей.

Вопрос. Имеет ли смысл идти в учителя, если нет уверенности в успехе? Хочется быть хорошим учителем, а вдруг не получится? Посредственных учителей и так много, стоит ли увеличивать их ряды?

Ответ. Конечно, не стоит. Что же касается сомнений, то они естественны, неестественно было бы наоборот: если б сомнений не было.

Вопрос. Одинаковы ли понятия «педагогический авторитет» и «человеческий авторитет»? Если нет, то в чем разница?

Ответ. Человеческий авторитет зиждется на общечеловеческих достоинствах, педагогический — на профессиональных. Они могут не совпадать — это одна из распространенных трагедий в школе. В идеале они должны не просто совпадать, а быть помноженными один на другой.

Вопрос. Волнует ли вас то, что про вас говорят в школе учителя, ученики? Учитываете ли вы это в своей работе?

Ответ. Я работаю с людьми и для людей. Как же я могу быть равнодушным к их мнению? Это мой ориентир. Иначе работать просто нельзя. Но это вовсе не значит, что я должен всем

угождать. Жизнь есть жизнь: меня все любить не могут, да и я не всех люблю.

Вопрос. Что можно считать педагогической неудачей, провалом, крахом?

Ответ. Неудача — это абсолютное несоответствие результатов деятельности тем целям, которые ставил перед собой педагог. Крах учителя — полный разрыв в отношениях с детьми.

Вопрос. Должен ли учитель держать какую-то дистанцию в отношение с учениками? Если да, то какую?

Ответ. Дистанция нужна, мало того, она существует. Есть дистанция возраста, дистанция официального положения, дистанция культуры. Важно, чтобы она была естественной, не подчеркивалась педагогом. Наивная попытка некоторых учителей работать вовсе без дистанции выглядит смешной и фальшивой. Бессмысленно «задрав штаны, бежать за комсомолом».

Вопрос. Как поступать в ситуациях, когда твое мнение идет вразрез с мнением учителя?

Ответ. В вашем возрасте надо уметь аргументированно и тактично отстаивать свою точку зрения. Особо хочется подчеркнуть — тактично. Нередко в силу юношеского максимализма вы считаете, что правота не нуждается в «упаковке», если она действительно правота. Между тем в спорах часто возникают осложнения не по сути, а по форме высказывания.

Вопрос. Ну, а если ни я не смогу убедить, ни меня не переубедят?

Ответ. Тогда вы просто останетесь при своем мнении. Это тоже немало.

Вопрос. Среди учеников класса кто-то учителю нравится, а кто-то нет. Может ли учитель иметь «любимчик ков»?

Ответ. «Любимчиков» быть не должно: это элита. Но как человек учитель имеет право на симпатии. Как же быть? Любимым ученикам должно быть труднее: с них больший спрос. Это как выражение большего уважения, Вместе с тем учитель должен все время воспитывать в себе чувство меры, такта, ситуации. Самое главное — при всех личных симпатиях и антипатиях не нарушать справедливость.

Вопрос. Что для вас важнее: человеческие качества при сравнительно низком профессионализме или, наоборот, высокий профессиональный уровень педагога при равнодушии к детям?

Ответ. Человеческие качества я оцениваю выше: хорошего человека можно выучить профессии, а если человек плох — это трудно исправить.

Вопрос. Почему часто учителя и ученики не сходятся во

мнениях?

Ответ. Причин много. В принципе это нормально. Сам по себе этот факт не надо драматизировать. Если эти расхождения не разрушают отношения, необходимые для работы.

Вопрос. Как должен поступать учитель, если он чувствует, что ребенок его не принимает, не уважает?

Ответ. Искать пути к ребенку, терпеть и искать. Повернуть глаза на себя. Однако вот что хочется добавить. Мы все время требуем от учителя, чтобы он понимал своих учеников, и никогда не говорим ученикам, что и они должны стремиться понять учителя. Особенно, если эти ученики — старшеклассники. Для взаимопонимания желания одной стороны недостаточно. Требование от взрослых одностороннего понимания — форма иждивенчества...

Вопрос. Каким вы хотели бы видеть современного учителя?

Ответ. Прежде всего он должен быть современным, то есть жить проблемами страны, общества, своих соотечественников. Он должен быть личностью, хватит с нас «никаких учителей», «пирожков ни с чем». Безусловно, он должен быть высоким профессионалом, хватит нам работать на глазок или по наитию. Учитель сегодня — это тип творческой личности. Непременным качеством считаю также интеллигентность. И, наконец, умная любовь к детям. Подчеркиваю — умная, ибо безумная любовь только портит.

Вопрос. Каково ваше мнение о гласности и демократизации применительно к школе? В частности, считаете ли вы, что есть такие темы, которые в школе ученикам обсуждать противопоказано?

Ответ. Школа всегда отражала уровень развития общества, правда, с некоторым опозданием. Я верю, что скоро во все школы придут гласность и демократизм. Как истина всегда конкретна, так и гласность в каждом школьном коллективе будет выражаться по-разному. То же можно сказать и о демократических тенденциях. Их не введешь решением педсовета. Многое придется изменить. Но не всем. Есть школы и учителя, для которых воспитание правдой было всегда естественным делом, а демократизм отношений — единственно приемлемой их формой. О второй части вопроса. С учениками можно говорить обо всем, кроме тем, которые у всех порядочных людей не подвергаются обсуждению. Например, нельзя с ребятами обсуждать недостатки учителя в его отсутствие или отношения, которые существуют в педагогической среде между коллегами.

Вопрос. Скажите, вы к своей работе относитесь как к призванию или как к обязанности?

Ответ. Как к смыслу жизни.

Вопрос. Если бы вам подарили 4—6 добавочных уроков по литературе, какому автору по программе или вне программы вы отдали все это время?

Ответ. Я отдал бы эти часы обучению творчеству.

Вопрос. Как вы относитесь к современным молодежным течениям?

Ответ. Прежде всего я хочу их понять, разобраться в причинах появления каждого и представить возможные последствия. В зависимости от этого и отношение к ним разное. Во всяком случае, я не склонен все списывать за счет возрастных метаний. Думается, человек в 15—16 лет уже способен соотнести свое общественное поведение с принятыми среди цивилизованных людей понятиями морали и нести ответственность за свои поступки. Я за понимание, но без заигрывания.

Вопрос. Представьте: вы министр просвещения. Каковы ваши первые действия?

Ответ. Во-первых, спешу вас успокоить: министром я не буду, это дело не для меня. Во-вторых, раз мне трудно представить себя в этой роли, то трудно и ответить на вопрос. Ну, а если серьезно, я бы собрал всех умных людей и вместе с ними создал концепцию современной советской школы.

Пройдет совсем немного времени, и они покинут школу. У них не будет возможности задавать столько вопросов, по крайней мере чаще им придется самим искать ответы. Но я твердо знаю, что многие еще вернутся, а некоторым я буду иметь удовольствие сказать:

— Здравствуйте, коллега!

ФОРМУЛА ЧЕЛОВЕКА

В истории педагогики всегда четко прослеживались две тенденции. Назовем их условно: деловая, рациональная система воспитания и гуманистическая, романтическая педагогика. Первая ставила своей задачей воспитание делового человека, функционера, отлично приспособленного к практической деятельности в какой-то конкретной области. Вторая давала (или хотела дать) миру человека-мыслителя, с широким кругозором, благородного мечтателя. Лучшие умы человечества вынашивали идею гармонической личности, соединяющей оба начала. Однако долгое время эта идея оставалась утопией. Да и ныне большинство буржуазных педагогов гармоническую личность отрицают. Западная технократия выдвинула лозунг: «Знания важнее нравственности». Что греха таить, и у нас есть люди, разделяющие подобную позицию. Ее сторонники утверждают, будто все достижения человеческой цивилизации есть результат знаний и дела. Задачу массовой школы они видят в том, чтобы дать минимальный объем знаний, обеспечивающий возможно быстрое включение человека в производственный процесс. И сегодня идут горячие споры о том, надо ли в каждом ребенке открывать Рафаэля или следует использовать время воспитания на практические умения и навыки, надо ли помочь детям увидеть «небо в алмазах» или лучше учить их внимательно смотреть под ноги.

Сегодня остро ощущается недостаток духовности. Она как кислород, без которого человек задохнется, в какой бы технически совершенной машине он ни сидел. Забота о духовной атмосфере и есть сегодня одна из важнейших забот человечества. Иначе пройдет несколько десятков лет, и среди немыслимых автоматов будут ходить люди-роботы, разучившиеся общаться, любить, восхищаться солнечным восходом. Эти бывшие люди способны погубить цивилизацию и все живое на Земле. Духовность — то, без чего человечество погибнет!

Каким же будет человек XXI века?

Мы хотим, и это записано в государственных и партийных документах, чтобы это была гармонически развитая, общественно активная и ответственная личность. Своеобразие исторического момента состоит в том, что эта цель из мечты, лозунга должна превратиться в реальную задачу, приводящую к реальным результатам.

Что для этого нужно? Прежде всего нужна «рабочая модель» личности, Мы знаем общую формулу: гармоническая личность

соединяет в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Есть и другой подход. Если учесть все направления воспитательной работы, которой школа должна охватить растущего человека (а в некоторых планах число этих направлений достигло 32!), если прибавить к этому две тысячи качеств личности, обнаруженных психологами, да еще соотнести все это с набором правил и требований для учащихся, получится мешок, набитый добродетелями, но никак не «рабочая модель» личности.

Думается, она должна содержать не более десятка интегративных качеств, которые являются наиболее актуальными для своего времени.

Мы в нашем педагогическом коллективе попытались выделить эти качества. Предлагая результат наших раздумий вниманию читателей, я сознаю, что выношу на общий суд и ставлю под огонь критики даже не модель, а лишь подступы к ней. Конечно, многие скажут: почему нет того или этого, почему названо это, а не другое. Так можно говорить до бесконечности. Мы просто не хотим больше ждать, пока эту модель создадут другие. Нам хочется работать целенаправленно и конкретно. То, что мы для себя написали, — это наша программа и одновременно конечная цель работы.

1. Гармония индивидуального и социального, гармония личного и общественного.

Мы всегда говорим о единстве личных и общественных интересов. Думается, такая постановка не совсем правомерна. Более точно говорить о гармонии, то есть об их согласованности, о разумных пропорциях, о соразмерности. В последние десятилетия произошла именно рассогласованность интересов личности и общества. Результатом дисгармонии явились многие негативные явления нашего общественного быта: халатное отношение к работе, использование общественной собственности в личных интересах, злоупотребление служебным положением, общественная пассивность, ослабление гражданских чувств и т. д.

Необходимо с раннего детства, тем более на школьной скамье учить наших детей жить среди людей, учить чувствовать другого человека, соотносить свои интересы, желания и поступки с коллективом товарищей, с окружающими взрослыми людьми.

Жизнь школьника — это непрерывная цепь ситуаций, в которых он стоит перед большим или малым выбором: сказать правду или смолчать, вступиться за слабого или поберечь себя, поработать с товарищами или развлечься, пожертвовать своим покоем, комфортом ради общего дела или извлечь личную

выгоду. Таких ситуаций у любого человека тысячи. Многие возникают спонтанно, многие специально моделируются педагогами, коллективом. Чем больше ситуаций, требующих сопереживания и добротворчества, тем устойчивее закрепляется в ребенке человек-коллективист.

2. Сориентированность на главные идейно-нравственные ценности общества.

Воспитание гражданина — это социальная ориентация личности. В основе ее лежит коммунистическая нравственность. Ее ориентиры и определяют в конечном счете и отношение человека к миру, и его поведение в нем. Вероятно, поэтому В. И. Ленин нравственное воспитание считал сердцевиной всей воспитательной работы: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в пей коммунистической морали»[3].

Что же это за основные идейно-нравственные ориентиры? Их, мы считаем, пять: любовь к Родине, стремление к миру, уважение к человеку, труд на благо общества, отношение к знаниям как средству совершенствования жизни. Если Родина, Мир, Человек, Труд, Знания станут для наших учеников реальными, а не формальными нравственными ценностями, можно считать, что они правильно сориентированы.

3. Высокий уровень самосознания.

Мы понимаем самосознание как систему представлений о самом себе, на основе которой человек строит свое поведение и взаимодействие с другими людьми. Без развитого самосознания не может быть и развитой личности. Процесс формирования самосознания — важнейший процесс юности. Обычно педагоги не придавали значения этому процессу, они лишь фиксировали крайние, болезненные проявления его. Вооруженный современными знаниями, воспитатель может и должен прийти на помощь своим питомцам в сложнейший период их становления.

4. Социальная ответственность.

До недавнего времени мы больше говорили о социальной активности. И мы ее часто видим сегодня. Но, во-первых, социальная активность может быть и ложной. Еще И. Ильф и Е. Петров говорили о таком общественном типе, которого они остроумно назвали «кипучим лентяем». А во-вторых, именно сегодня активность без ответственности не имеет смысла. Активных людей много, мало тех, кто способен взять на себя ответственность в общественно важном деле. Нам нужен широкий

спектр социальной ответственности: от отношения к труду и общественной собственности до сопричастности эпохе.

5. Человечность, альтруистическая направленность.

Бессердечие, даже жестокость, особенно молодежи, стали сегодня распространенной темой. О жестокости много пишут, ее показывают с экрана, так что в представлении многих она стала типичной чертой современных людей. В молодежной среде есть два полюса: жестокость и альтруизм, эгоцентризм и юношеское донкихотство. Точной иллюстрацией этого противостояния стал фильм «Чучело», вызвавший бурную реакцию. Зло очень заразительно, а порой и привлекательно. Эстафету зла должен прервать школьный учитель, прервать, пока не поздно, пока не очерствели сердца детей. Внушить им истину, что человек живет, чтобы увеличивать добро в окружающем его мире, укрепить веру в конечную победу добра, создавать ситуации добротворчества — это сегодня сложнейшая, тонкая, но абсолютно необходимая работа школы.

6. Креативность, способность к творчеству.

Способность к творчеству — важнейшее качество современного человека, насущная социальная потребность. Это очевидно. Но чтобы удовлетворить эту потребность общества, нужно учить творчеству уже на школьной скамье. За детьми дело не станет. Творчество — норма детского развития. Гораздо сложнее со взрослыми. Ведь творчество часто связано с риском, а в последние годы охотники рисковать почти перевелись в школе. Как тут не вспомнить А. С. Макаренко: отказаться от риска — значит отказаться от творчества.

7. Высокий уровень общей культуры, интеллигентность.

Прежде всего с сожалением надо отметить, что — опять же в последние годы — интеллигентов резко поубавилось в учительской среде. Интеллигентность — это особое свойство личности.

Некоторые понятия лучше раскрывать «методом от противного». Для меня антипод интеллигентности — хамство, безобразное общественное явление, уродующее человеческий быт. Почему его можно считать явлением общественным? Потому что проявляется оно наиболее часто в сфере общественных отношений. В основе поведения хама лежит самоутверждение за счет унижения человеческого достоинства окружающих. Хамство многолико: от уличного хулигана до зарвавшегося чиновника. Оно агрессивно и потому очень заметно. Интеллигентность,

напротив, скромна и неброска. Она проявляется в той же сфере отношений, но прямо противоположным образом. Интеллигентный человек постоянно соотносит свои слова, поступки, поведение с другими людьми. Эта способность к пониманию другого, терпимое, уважительное отношение к ребенку и взрослому, к члену семьи и товарищу по работе, к случайному прохожему и старому другу поддерживает наше нравственное здоровье, скажу больше — нравственное здоровье общества.

Интеллигентность сегодня выступает мерой воспитанности, которая проявляется в тысяче мелочей: в приветливости и скромности, в способности слушать и не мешать другим, в доброте и умении незаметно прийти на помощь человеку, в чистоте языка и чистоплотности быта.

Вот какими мы хотим видеть наших выпускников.

По плечу ли эта задача обычному педагогическому коллективу? Безусловно, да. При соблюдении трех условий.

Если школа будет воспитательной системой, сориентированной на личность школьника.

Если педагогический коллектив будет коллективом единомышленников, где каждый способен мыслить масштабами системы.

Если школа будет соответствовать духу тех благотворных изменений, которые идут в стране.

...Уходят из школы выпускники. И каждый раз кажется, что ушли самые любимые, что лучше их никогда не будет, ведь с ними ушла и часть учительской жизни.

Но даже в эти печальные дни расставаний педагог не может позволить себе надолго расслабиться. Надо готовиться к приему новых питомцев, надо настраиваться на новый учебный год, надо в короткое время сделать своих новых учеников вновь самыми любимыми.

Караковский Владимир Абрамович
ЛЮБИМЫЕ МОИ УЧЕНИКИ

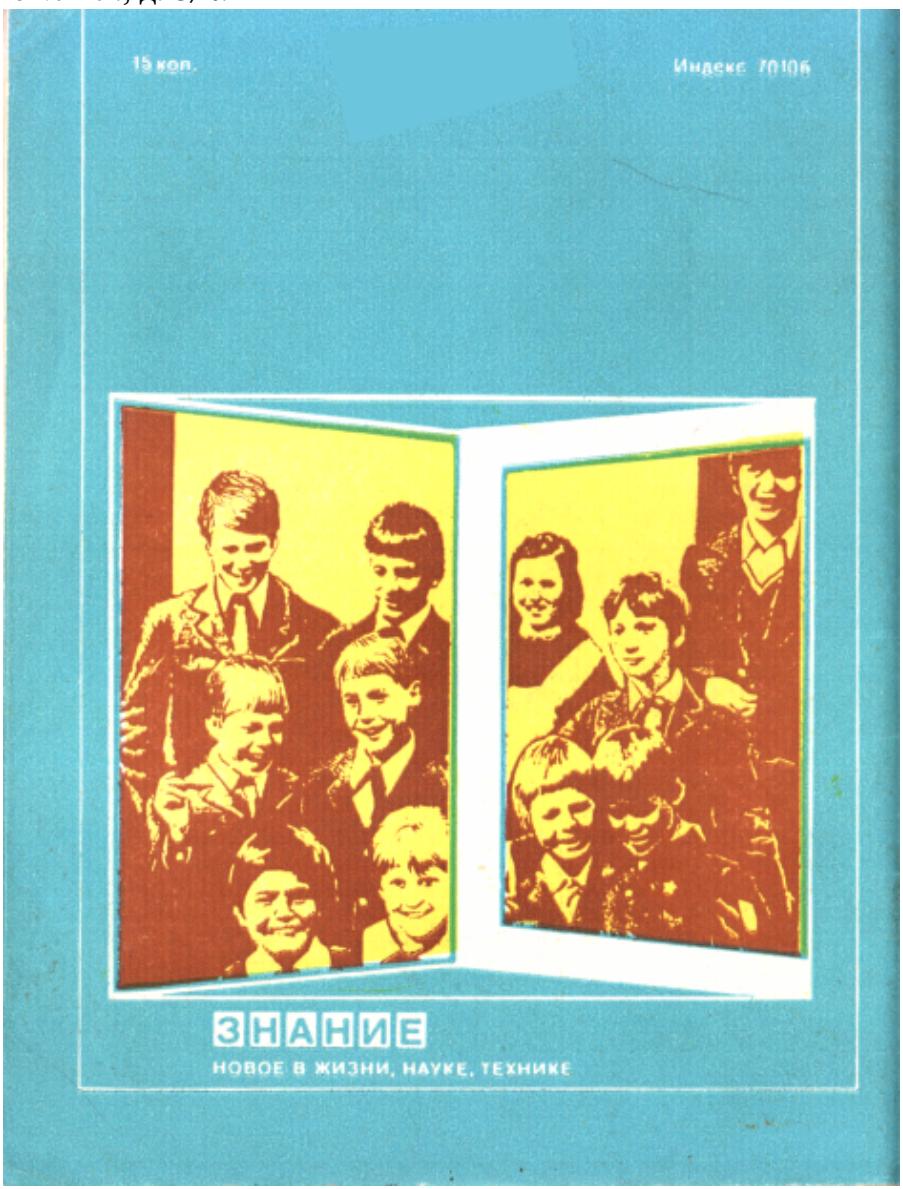
Гл. отраслевой редактор Р. Д. Смирнова.
Редактор Е. И. Соколова.
Мл. редактор Е. С. Волкова.
Художник К. А. Вечерин.
Художественный редактор М. А. Гусева.
Технический редактор Н. В. Калюжная.
Корректор Е. К. Шарикова.

ИБ № 8943

Сдано в набор 14.09.87. Подписано к печати 30.11.87. А 13819. Формат бумаги 70Х108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 3,50. Усл. кр.-отт. 3,76. Уч.-изд. л. 3,75. Тираж 156 827 экз. Заказ 1954. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 872212.

Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.



notes

Примечания

1

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27— 28 января 1987 г. — М., 1987. — С. 12.

2

Макаренко А. С. Пед. соч. В 8-ми т. — М., 1986. — Т. 7. — С. 13.

3

Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 309.